

№10
Октябрь 2011

ТАССОВСКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

КОНКУРС МОЛОДЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОЭТОВ ЗАКАВКАЗЬЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»
ПРИ ПОДДЕРЖКЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ФОНДА ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
ОБЪЯВЛЯЕТ КОНКУРС МОЛОДЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОЭТОВ ЗАКАВКАЗЬЯ

ПОЛОЖЕНИЕ О КОНКУРСЕ

1. Общие положения.

Цели конкурса:

Конкурс проводится с целью укрепления межнациональных литературных связей, формирования ценностного отношения молодежи к русскому языку и культуре России, развития творческих инициатив и поддержки поэтически одаренной молодежи.

Задачи конкурса:

- возрождение и укрепление интереса к русскому слову, к культуре русской речи, популяризация русской речи среди молодежи;
- развитие интереса к национальной и русской истории, культуре, языку через осмысление исторических традиций и актуальности культурно-литературных связей;
- возрождение литературных традиций общения между интеллектуально-творческими кругами стран Закавказья;
- творческое стимулирование и реальная поддержка одаренной молодежи стран Закавказья.

2. Участники конкурса

К участию в конкурсе приглашаются молодые поэты Азербайджана, Армении, Грузии в возрасте от 17 до 30 лет, пишущие на русском языке.

3. Сроки и этапы проведения конкурса:

Конкурс проводится в пять этапов с 1 июля по 1 декабря 2011 года.

1 этап – информационно-оповестительный (1 июля – 15 сентября 2011 года);

2 этап – подача заявок и работ для участия в конкурсе (16 июля – 15 сентября 2011 года);

3 этап – оценка региональными жюри (Азербайджан, Армения, Грузия) представленных на конкурс работ (15 сентября – 1 ноября 2011 года);

4 этап – оценка единым международным жюри работ, прошедших региональный отбор (1 ноября – 15 декабря 2011 года);

5 этап – приезд и пребывание лауреатов конкурса в Тбилиси. Награждение победителей конкурса (декабрь 2011 года).

4. Содержание и формат представляемых на конкурс работ

Форма и тематика представляемых произведений являются творческой авторской прерогативой.

Объем работ – не более 15 тысяч печатных знаков (20 000 знаков – для крупных поэтических жанров и форм).

Работа должна быть выполнена на листе формата А4, шрифт Times New Roman, 14 кегль, интервал – одинарный.

5. подача работ на конкурс

Подача заявок и работ для участия в конкурсе осуществляется с 16 июля по 15 сентября по электронной почте: rusculture@mail.ru

РУССКИЙ КЛУБ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Заместитель главного редактора
Арсен Еремян

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Донара Кандаки, Нина Зардалишвили

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Компьютерная графика и верстка
Давид Элбакидзе-Мачавариани

Допечатная подготовка
Алена Деняга, Нино Цитландадзе

№10⁽⁷²⁾
Октябрь 2011

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru

www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

КАЛЕНДАРЬ	ОТ А ДО Я	4
ФЕСТИВАЛЬ	СОЛО АЛЕКСЕЯ ЦВЕТКОВА	6
	ВСЕМУ БЫВАЕТ КОНЕЦ, КРОМЕ ЛЮБВИ	8
	ЧТОБЫ ТРОГАЛО ДУШУ	12
ПРИЗНАНИЕ	КОМПРОМИСС МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ	14
ЮБИЛЕЙ	СОРАТНИК, ВОЛШЕБНИК, ТАЛИСМАН	18
НАСЛЕДИЕ	«ЗАВЛЕКАЮТ В СОЛОЛАКИ СТЕРТЫЕ ПОРОГИ...»	20
ТВОРЧЕСТВО	ОРЕВУАР, МЕСЬЕ!	23
О, СПОРТ!	ЛУЧШИЙ СРЕДИ ЛУЧШИХ	28
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ	ЭТО ТРУДНОЕ ИСКУССТВО БЫТЬ ЗВЕЗДОЙ	32
ПРАЗДНИК	ПОДАРОК ДЛЯ ДУШИ	36
ТРАДИЦИЯ	ДЫХАНЬЕ ВОЗДУХА И СВЕТА	37
СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ	ОДНО СЕРДЦЕ И ОДНА ДУША	41
ДАТА	ХРАНИМЫЕ В ПАМЯТИ	44
ПАЛИТРА	КАРТИНЫ НЕ ГОРЯТ	48
ИСТОРИЯ	МОЛЬЕР НА ГРУЗИНСКОЙ СЦЕНЕ	52
ОБЪЕКТИВ	НА ПРАЗДНИКЕ МЦХЕТОБА - СВЕТИЦХОВЛОБА	54

На обложке - Осень - пора свадеб.
Фото Александра СВАТИКОВА

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА
В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

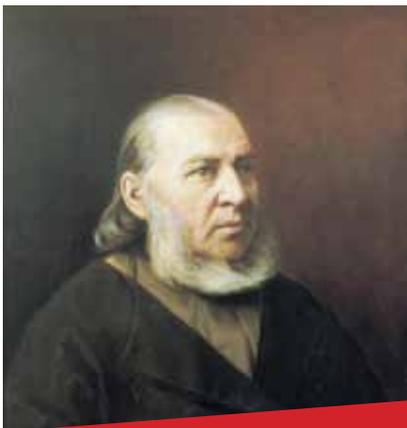

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»:

Зураб Абашидзе, Гига Лордкипанидзе, Роин Метревели, Нани Брегвалде, Джансуг Чарквиани, Гулбат Торалде, Важа Азарашвили, Отар Мегвинетуахуцеси, Ирма Сохадзе, Гоги Кавтарадзе, Гуджа Бубутеишвили (Грузия), Александр Эбанюлдзе (Россия), Олег Воловик (Венгрия), Давид Маркиш (Израиль), Валентина Полжанина (Белоруссия), Алексей Цветков (США), граф Петр Шереметев (Франция), Евгений Табачников (Россия), князь Никита Лобанов-Ростовский (Великобритания), Михаил Багдасаров (Армения), Михаил Носов (Россия)

ISSN 1512-2972

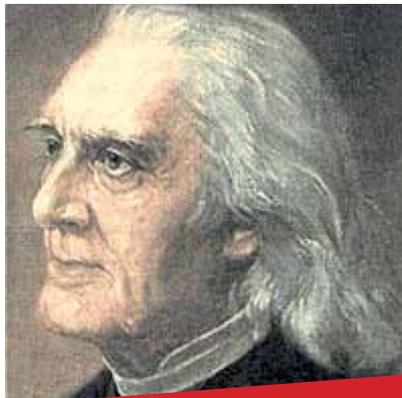
UDS: 008.1(47922:470)
C-24

АВТОР «АЛЕНЬКОГО ЦВЕТОЧКА»

1 октября 1791 года в провинциальной Уфе родился выдающийся русский писатель Сергей Тимофеевич Аксаков. Он происходил из старинной, но небогатой дворянской семьи, отец его был государственным чиновником средней руки. Закончил он гимназию и даже начал учиться в знаменитом Казанском университете, но не закончил, переехав в Санкт-Петербург. Здесь он начинает заниматься литературной деятельностью и даже знакомится с Державиным и Шиковым. Но в молодые годы государственная служба у Аксакова не задается, и он ведет преимущественно помещичью жизнь, изредка наезжая в столицы. Литературой занимается нерегулярно, больше переводит с французского и английского языков. Состоит в переписке с литераторами-славянофилами. С 1826 г. Аксаков снова на государственной службе - Николай I, прибыв в Москву на коронацию, общался не только с Пушкиным, но и с целой группой молодых, подающих надежды, интеллигентов. Аксаков получил должность цензора. Цензором он оказался очень хорошим, принципиальным, хотя и не слишком строгим - за время его цензорства были допущены вольности - издали произведения, которыми было недовольно Министерство

просвещения и даже Двор. Это стоило Сергею Тимофеевичу должности, а вся Москва с восхищением читала передаваемые друг другу украдкой его пикировки со всесильным Бенкендорфом, начальником Третьего отделения, посмевающим сделать выговор писателю. Самолюбивый Аксаков отправился в отставку заниматься театральной критикой. Но государь-император Николай Павлович не швырялся ценными кадрами, и критиком Аксаков пробыл недолго. В 1831 г. его назначили начальником Константиновского межевого училища. Сергей Тимофеевич его основательно реорганизовал и превратил в Константиновский межевой институт, ныне знаменитый МИГАиК. Сам он стал первым его ректором, а после пяти лет ректорства оставил работу и окончательно встал на писательскую стезю.

200 ЛЕТ НАЗАД

200 лет назад родился великий Лист. Это произошло 22 октября 1811 г. в Венгрии. Отец его был пастухом. Не бедным пастухом, игравшим на дудочке, а управляющим многочисленных угодий. Человеком он был просвещенным и музыкально одаренным, что помогло ему распознать и музыкальный талант сына. Известно, кто учил юного Ференца игре на фортепьяно, но уже в возрасте 10-12 лет он был вполне сформировавшимся феноменальным виртуозом и потрясал своей техникой даже выдающихся виды знатоков. Далее юношу отправили учиться в Вену, а учителем был, естественно, Сальери. Последний, был блестящим педагогом и подчас бесплатно учил одаренных ребят: Бетховена, Шуберта, Листа, сына Моцарта и других. Из-за плохого финансового положения молодому Листу приходится давать концерты, а с шестнадцати лет, когда он остается сиротой, и вовсе становится кормильцем семьи. Признание к Листу, как пианисту-виртуозу, пришло в Париже, а композицией он занялся примерно в двадцать пять, поощряемый своими друзьями Шопеном, Жорж Санд, Берлиозом,

Гюго, Дюма... Он объездил всю Европу и в итоге осел в Веймаре, куда к нему за уроками приезжали многие талантливые пианисты. Кстати, как и Сальери, он не брал за них денег. Прожил Лист довольно долго - с ним были знакомы и композиторы, которые жили в начале XIX века и те, что творили на рубеже XIX - XX веков - Григ, Бородин и Рихард Штраус.

560 ЛЕТ «ЗАВОЕВАТЕЛЮ РАЯ»

9 октября 1451 г., неизвестно где именно, родился великий Кристофаль Колонн. Именно так звучит по-испански имя мореплавателя Христофора Колумба. А почему точно неизвестно, где? Так это потому что, как и в случае с Гомером, семь городов Испании и Италии оспаривают право быть его родиной. Но вероятнее всего, он был либо генуэзцем, либо корсиканцем. Мы не знаем ничего об его молодости - где он учился, в каких странах жил, - но знаем, что он рано стал моряком и в своих странствиях обошел все Средиземноморье, выбирался в Атлантический океан, спускался на юг вдоль западного побережья Африки и на север, до Британии и даже, возможно, Исландии. С таким мореходным опытом до Америки было просто рукой подать. Назвать его первооткрывателем новой части света у современного просвещенного человека не повернется язык. Там успели побывать все - от древних финикийцев до викингов. Остались свидетельства того, что Колумб искренне до самой смерти считал, что ему удалось проложить западный путь в Индию. Но это неважно. Он открыл Европе новую землю, и ее стали заселять, в первую очередь, испанцы. Но Испании это не принесло счастья - слишком велик был для небольшого народа тот кусок территории, на который замахнулись. Обширные территориальные приобретения буквально высосали из Испании людской ресурс. За золотым дымом отправилось все мелкое дворянство и активная часть городского населения, и больше эти люди в Испанию не вернулись. А битком набитые золотом галеоны дали Испании такое количество драгоценного металла, что Европа не справилась - в XVII веке из-за его обесценивания грянул мощнейший финансовый кризис. Не принесло счастья крупное географическое открытие и самому Колумбу - совершив четыре путешествия, он умер в нищете.

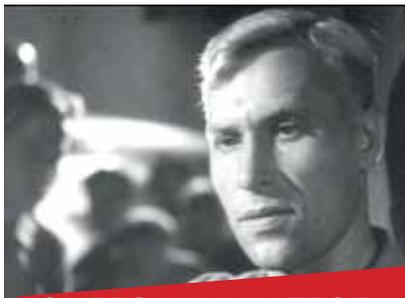
ПЕРВЫЕ ГОНКИ НА ЯХТАХ

Ровно 350 лет назад, 1 октября 1661 г., в Англии состоялись первые официальные гонки на яхтах. На виду у портовой набережной города Плимута соревновались английский король Карл II и его брат Джеймс. Победу, естественно, одержал король, а принц Джеймс проиграл. Попробовал бы только выиграть!

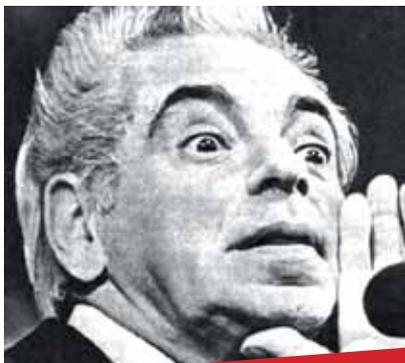
ЛЕГЕНДА ПРИ ЖИЗНИ

Ровно 111 лет назад родилась великая грузинская актриса Верико Ивлиановна Анджапаридзе. Хотя весь мир знал ее как Верико. Она родилась в Кутаиси в семье юриста и в юности уехала в Москву учиться в драматическую студию. Из-за революции ей пришлось вернуться в Тбилиси, где она быстро стала известной театральной актрисой. Сниматься в кино она начала еще в далеком 1923 г. А завершила минутным эпизодом в знаменитом фильме Тенгиза Абуладзе «Покаяние». Она произнесла в нем всего одну фразу, ставшую афоризмом: «Зачем нужна дорога, если она не ведет к храму?» С 1928 года она ближайшая сподвижница выдающегося театрального деятеля Грузии К.Марджанишвили. Эта изумительная, изящная женщина с прекрасным лицом и одухотворенной красотой на всю жизнь завоевала славу первой актрисы своей страны. Она стала легендой еще при жизни, причем легендой осязаемой, близкой к народу, люди ее очень любили.

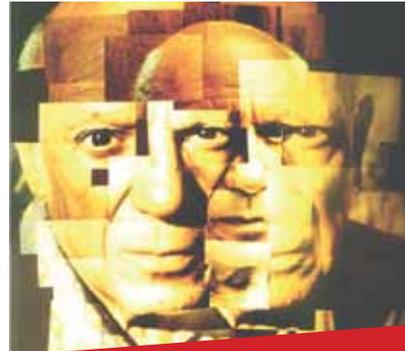
«С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА?»

100 лет назад родился Марк Бернес, великий русский шансонье. Его голос знает даже нынешняя молодежь. Песню «С чего начинается Родина» слышали все. Это был очень интересный и стильный человек. В 50-60 гг. прошлого века он царил на подмостках эстрады и купался в народной любви. Его называли народным певцом, но голоса-то у него не было никакого! А была, как говорили завистники, «проникновенная мелодекламация». Он жил в те времена, когда в моде были платья из крепжоржета и духи «Красная Москва», а по радио звучали громкие песни о коммунистических свершениях. Но только его негромкий баритон заставлял затихать людей у радиоприемника, когда раздавались «Три года ты мне снилась, а встретилась вчера», «Я люблю тебя, жизнь» и бессмертная «Темная ночь»...

АРКАДИЙ РАЙКИН -100

Кто не знает Аркадия Райкина? Мы не будем здесь даже вспоминать его биографию. В наше время в эпоху видео любой человек может оценить его мастерство и юмор. Он умер полтора десятка лет назад, но его помнят все, кто видел его хотя бы раз и знают даже те, кто родился после его смерти. При жизни его влияние было таким, что его даже опасались коммунистические власти. В народе существовал анекдот о том, что правивший в те времена Леонид Брежнев попадет в энциклопедию как мелкий политический деятель в эпоху Аркадия Райкина.

«ВЕЛИКИЕ - ВОРУЮТ»

25 октября исполняется 130 лет со дня рождения великого испанского художника XX в. Пабло Пикассо. Не было в этом столетии более ярко, многогранного, противоречивого и абсолютно недостижимого в своей гениальности мастера. Этот человек успел так много, что его наследие еще долго будет предметом изучения и вдохновения для идущих следом. Но вместе с тем, ему принадлежит и одна из самых циничных сентенций: «посредственные художники копируют, великие - воруют». Неизвестно, воровал ли он в действительности, но молодые художники избегали показывать ему свои работы. Пикассо владел бесчисленными техниками и художественными стилями - он мог писать безупречные картины и в духе Высокого Ренессанса наравне с абстракционистскими беспредметными холстами. Краски, карандаш, перо, бронза, кусочки цветной бумаги - набор его инструментов неограничен. И личностью он был столь же многогранной и неоднозначной. Приступы щедрости перемежались у него с периодами меркантильного скопидомства, а периоды трезвости и воздержания - с головоломными романами. И невзирая на все, человеком он был штучным и настоящим. И признавал это: «Среди людей больше копий, чем оригиналов». Будучи признанным еще при жизни, что случается нечасто, Пикассо после смерти был признан самым дорогим художником двадцатого столетия.

НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ

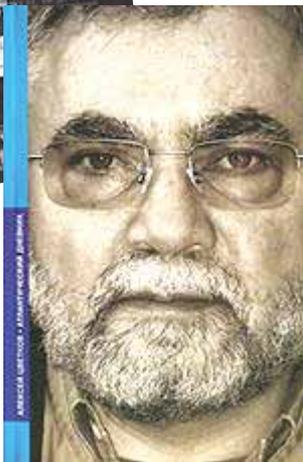
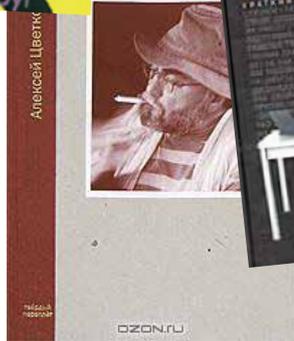
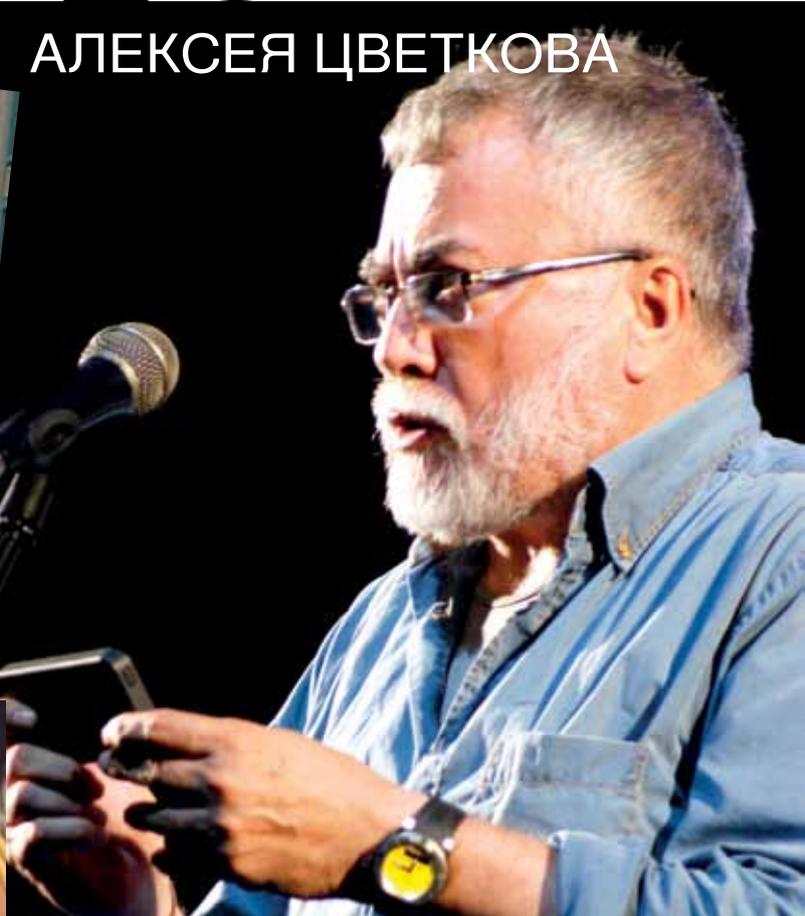
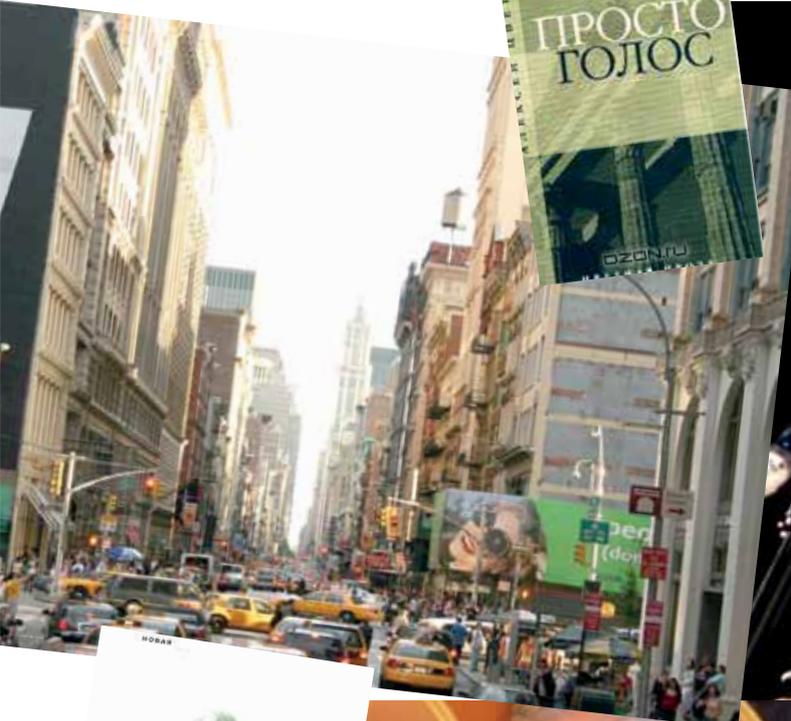
1 октября 1861 г., 150 лет назад, во время гражданской войны было сформировано первое воздухоплавательное подразделение северян под командованием Тадеуша Лоуи, одного из пионеров покорения воздушного пространства. В его составе было 7 аэростатов для разведки и корректировки артиллерийского огня: Констийошн, Интрепит, Юнион и другие. Интересно, а как назывался тот воздушный шар, на котором улетели герои жюль верновского «Таинственного острова»?

Роб АВАДЯЕВ

СОЛО

АЛЕКСЕЯ ЦВЕТКОВА

«Изгнанники, скитальцы и поэты, закрыт нам путь проверенных орбит» - эти строки Максимилиана Волошина могли бы повторять применительно к собственным судьбам многие писатели и поэты – начиная с опального римлянина Овидия, сосланного в Бессарабию, и вплоть до советских добровольных и вынужденных эмигрантов. В когорте последних одной из самых ярких фигур был и остается Алексей Цветков, с которым мы побеседовали на террасе батумского кафе, в дни пятого Международного русско-грузинского поэтического фестиваля.

- То мыслящее молодое поколение 60-70-х годов прошлого века, к которому я отношу и себя, - рассказывает А.Цветков, - объединяла страсть к писанию стихов, любовь к водке и девушкам, и особенно – нелюбовь к советской власти. Это было главным спаивающим началом...

- «Спаивающим» звучит двусмысленно, но в целом верно отражает настроения эпохи, когда инициатива была куда более наказуема, чем в наши дни...

- Да, многие сходили с дистанции, не сумев противостоять этому сорокаградусному соблазну, но для многих приоритетным осталось желание действовать. И мы с талантливыми юношами той поры – Бахыгом Кенжеевым, Сергеем Гандлевским, Александром Сопровским и другими, решились на крамольный для властей «самиздат». «Московское время» - это название придумал Саша Сопровский. Еще живя в России, я успел увидеть вышедший в свет первый том... А в 1975-м меня изгнали из всех университетов и, наконец, дело дошло до ареста. Как-то очень кстати для органов у меня закончилась московская

прописка. За мной следили – «хвосты» было легко вычислить. На квартиру явился участковый с понятыми, и мне было приказано убраться. Я решил не дразнить гусей, поехал к друзьям. А утром, не успели мы налить кофе, как раздался звонок в дверь. Квартира коммунальная, соседи уехали. Что делать? Я побежал в туалет, двери на запер. Они вошли, сказали, что проводят якобы плановую проверку документов. На самом же деле стали ломиться во все двери. Вломились и в туалет, я просто стоял за дверью. Но за нее заглянуть сыщики не догадались... Я в страшном стрессе одалживаю срочно деньги на билет куда-нибудь из Москвы. Выхожу из арки, направляюсь к метро, и тут меня хватают подмышки и заволакивают в черную «Волгу». Доставили в ближайшее отделение, затолкнули в «обезьянник». Допрашивали жестко, «следую» по телефонной книжке, интересовались знакомыми – кто, что, откуда... Чин, который вел вопрос, явно искал повода меня стукнуть, но, наверно, передумал. Потом принялся обзванивать районные отделения, рассчитывая меня куда-нибудь перебросить, но был канун 9 мая, и все изоляторы оказались битком набиты алкоголиками... Позже меня отвезли в аэропорт «Внуково», продержали там всю ночь. А потом мне купили билет и выдворили на родину, в Запорожье, где проживали мои родители.

- Вы когда-нибудь рассказывали об этом журналистам в таких подробностях?

- Нет, можете считать это эксклюзивом.

- Эрнст Неизвестный говорил мне, что, будучи изгнанным из СССР, адаптировался в Америке достаточно быстро...

- Я сначала осел в Нью-Йорке. Хотелось самому зарабатывать, не иждивенец я по природе. Работал и вахтером, и уборщиком в больнице, и дворником... Потом судьба послала подарок в виде звонка от друзей – меня пригласили в Сан-Франциско. Там я устроился в редакцию газеты «Русская жизнь», которую окрестил «Русская смерть».

- Почему же столь удручающе?

- Потому что на первой же полосе там публиковались некрологи, которые оплачивались родственниками покойных. Конечно, я понимал, что с этой «русской смертью» шансов выжить как литератор, обозначить творческие перспективы, я не имею. Мое студенческое прошлое – на химическом факультете Одесского университета, на историческом факультете и факультете журналистики МГУ, позволило мне поступить в аспирантуру Мичиганского университета, по рекомендации известных издателей Эллендеи и Карла Проффер – издателей Иосифа Бродского, Фазила Искандера, Андрея Битова, Саши Соколова... Закончил аспирантуру по специальности «славистика», защитил диссертацию по русской литературе, и занялся, наконец, своим делом – писал и преподавал в колледже Дикинсон (штат Пенсильвания) русскую литературу.

- Раз уж пришлось к слову, «пробежимся» и по другим вехам вашей биографии. С 1989 года – работа в Мюнхене и Праге на радио «Свобода» редактором и ведущим программ «Седьмой континент» и «Атлантический дневник». С 2007-го вы переехали в Вашингтон, а в начале 2009-го вновь обосновались в Нью-Йорке, замкнув тем самым эмигрантский географический круг... А как часто вы оказывались в Грузии?

- В 2006 году я с удовольствием принял приглашение приехать на первый Международный русско-грузинский поэтический фестиваль и вновь ступил на вашу благословенную землю – двадцать лет спустя. И за эту заполненную пустоту спасибо «Русскому клубу», спасибо моим грузинским друзьям. Грузия, ее внешний облик, изменился за это время кардинально – это особенно ощутимо в Батуми...

Говорить о поэзии и прозе Алексея Цветкова, да еще в рамках журнального интервью – значит добровольно загнать себя в лабиринт. В доказательство приведем фрагмент блистательного эссе «Судьба барабанщика. (Примечания к постмодернизму)», отвечая на «вечный» вопрос – что такое искусство? – Алексей Петрович дает себе «повод вспомнить головокружительно глупый ответ: Чернышевский в бессмертной диссертации догадался, что «искусство – это прекрасное в жизни». Происхождение искусства – сакрально. Об этом свидетельствует сама этимология названий древнейших жанров, таких как трагедия, комедия и ода. И хотя союз религии и творчества давно и насовсем расторгнут, а для христианства вообще не органичен, следы этой родословной видны в периодических попытках художника «освятить» свой труд, придать ему ритуально-культурные атрибуты, возвысить над потугами кожевника или счетовода».

И чем вам не «приглашение в лабиринт»?

К счастью, существуют «Журнальные залы», где стихи, проза, эссеистика Алексея Цветкова солидно представлены практически во всех известных с советских времен, и новых толстых журналах.

Мой собственный, невеликой мощности, «прожектор» литературного критика высвечивает в стихотворной ткани лирики Цветкова на редкость точный узор, уместность словоупотребления и неповторимость интонации. В теннисе это называют игрой «по месту», т.е. без излишних выкрутасов и необязательных эффектов. Болельщики со вкусом (коих, конечно, абсолютное меньшинство), скептически улыбаются глядя на «кошачьи прыжки» - они-то знают, что величие вратаря – в экономной игре: точно выбранная позиция плюс намертво укрошенный мяч. Имен-

С коллегами

но так – прочно и властно – завладевает просвещенным и подготовленным читателем Алексей Цветков. Филигранная вязь плотного стиха, строгая словесная «лепнина» характерны для произведений, созданных на всем протяжении его насчитывающего не одно десятилетие творческого пути. От горького раннего «Серый коршун планировал к лесу. Моросило, хлебам не во зло. Не везло в этот раз Ахиллесу, Совершенно ему не везло...» до философски-метафорического пейзажа, проникнутого сократовским настроением « тумана молоко / сплошь облако и мыло / совсем невелико / все что сбилось и было»...

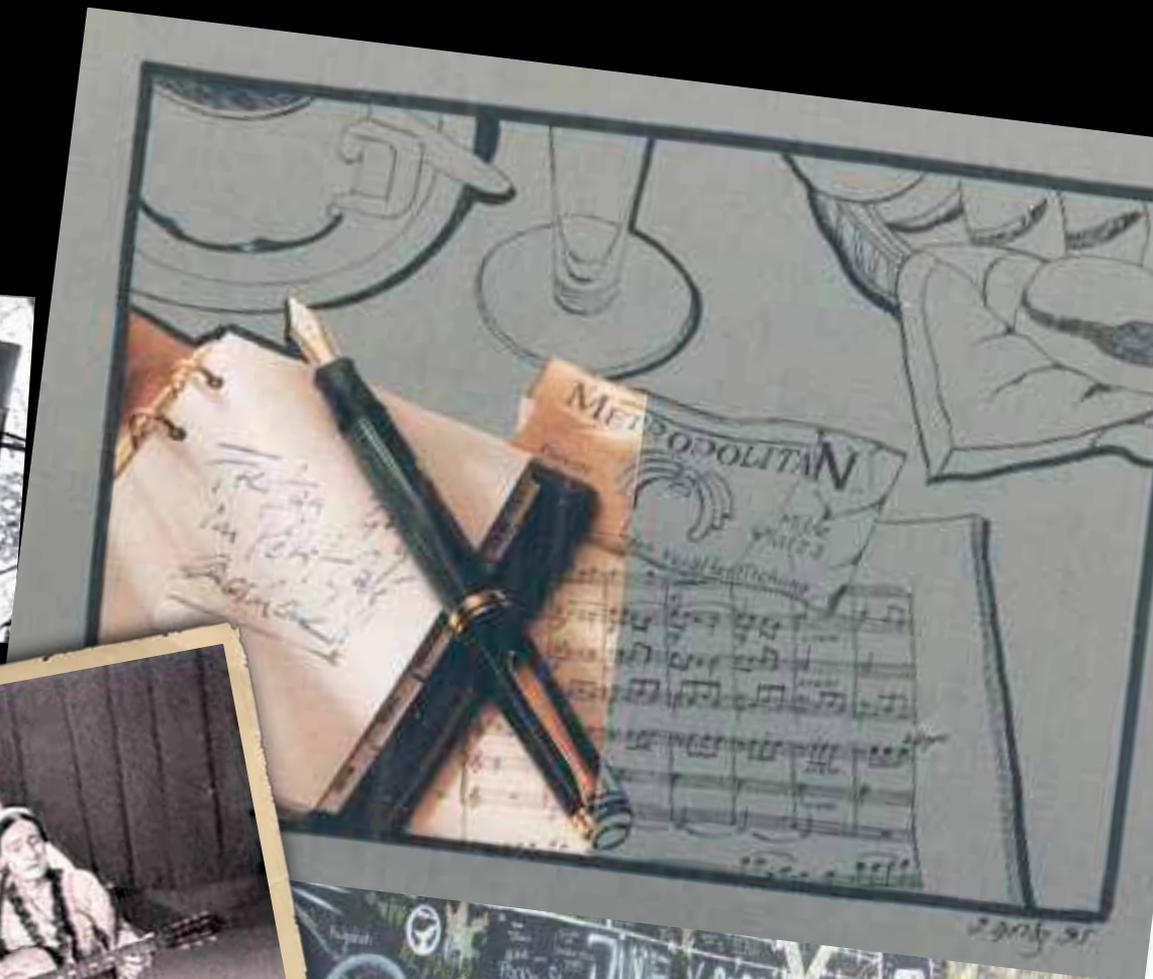
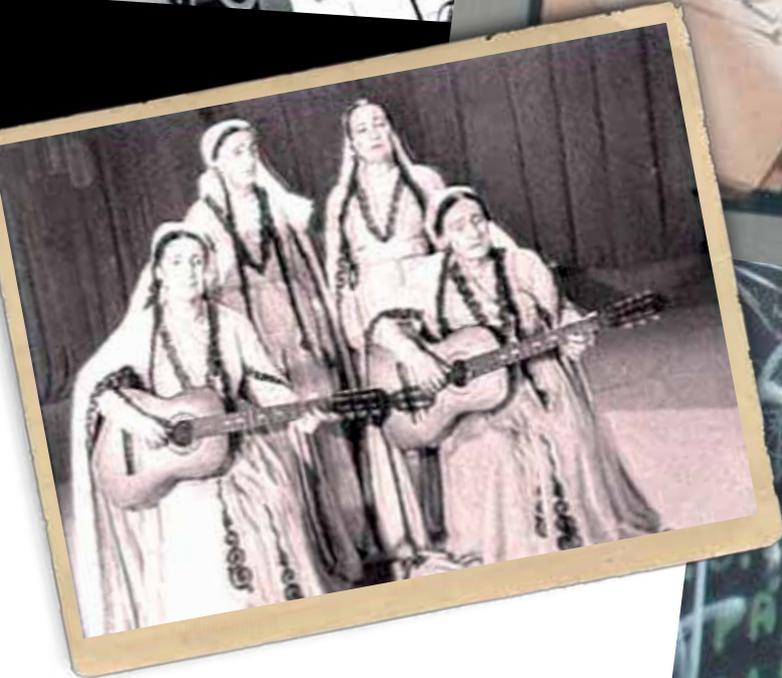
Владимир САРИШВИЛИ

ВСЕМУ БЫВАЕТ КОНЕЦ, КРОМЕ ЛЮБВИ

«СНЫ О ГРУЗИИ» - ТАК НАЗЫВАЛСЯ МЕЖДУНАРОДНЫЙ РУССКО-ГРУЗИНСКИЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ, ПРОШЕДШИЙ ЛЕТОМ В ГРУЗИИ В ПЯТЫЙ РАЗ. НО НЕСКОЛЬКИМИ ГОДАМИ РАНЕЕ ЭТУ СТРОЧКУ ДЛЯ СВОЕГО МУЗЫКАЛЬНОГО ДИСКА ПОЗАИМСТВОВАЛА У БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ ГРУЗИНСКАЯ ПЕВИЦА МАНАНА МЕНАБДЕ. «СНЫ О ГРУЗИИ». СБОРНИК ПЕСЕН И ПОЭТИЧЕСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ ОБЪЕДИНИЛИСЬ ВОКРУГ ЭТОЙ ПРОСТОЙ И ГЛУБОКОЙ МЕЧТЫ ...

ИНТЕРВЬЮ С МАНАНОЙ МЕНАБДЕ МЫ ЗАПИСАЛИ В МАШИНЕ. ПО ДОРОГЕ В ПОТИ, ГДЕ ЕЕ И ДРУГИХ УЧАСТНИКОВ ФЕСТИВАЛЯ УЖЕ ЖДАЛИ ЗРИТЕЛИ. ВБИРАЯ В СЕБЯ МОРСКОЙ ВОЗДУХ, ХОТЕЛОСЬ НАВСЕГДА ЗАПОМНИТЬ ПРАЗДНИЧНУЮ, СОЛНЕЧНУЮ ПОЭТИЧЕСКУЮ АТМОСФЕРУ, В КОТОРУЮ ОКУНАЕШЬСЯ РЯДОМ С УДИВИТЕЛЬНЫМИ ЛЮДЬМИ.

МАШИНА, КАЗАЛОСЬ БЫ, САМОЕ НЕПРИВЫЧНОЕ МЕСТО ДЛЯ ИНТЕРВЬЮ. НО ТАМ, ГДЕ МАНАНА МЕНАБДЕ, ПРИВЫЧНОГО БЫТЬ НЕ МОЖЕТ. ВЗЯТЬ ХОТЯ БЫ ТОТ ФАКТ, ЧТО ОНА, ГРУЗИНКА, НА ПОЭТИЧЕСКОМ ФЕСТИВАЛЕ ПРЕДСТАВЛЯЛА ГЕРМАНИЮ.

Манана Менабде

СНЫ О ГРУЗИИ

Нина, Тамара, Зинаида и Мария. Сестры Ишхнели. Основательницы жанра грузинского городского романа. Благодаря им весь Советский Союз узнал «Сулико». Младшая из сестер, Тамара Александровна - бабушка нашей героини. Манана Менабде – прямая наследница традиций знаменитых сестер. Третье поколение династии Ишхнели. Но есть и четвертое – племянник, Соломон Гортамашвили. Манана и Соломон много лет поют вместе. Прекрасный, гармоничный, слаженный дуэт, как пишут о них критики.

Семья всегда была и остается для Мананы той самой крепостью.

«Можете себе представить двухлетнего человечка, который еще не знает букв, но уже умеет читать ноты и знает репертуар своих бабушек. Дирижирует маленькой ручкой и поет замечательно. Но я не помню, чтобы кто-то из взрослых поставил меня на табуретку и сказал: «а ну-ка, Мананочка, давай, спой для гостей», - рассказывает она.

Все в ее детстве происходило естественно, само собой. И именно такой здоровый подход близких к воспитанию сделал Манану независимым полноценным человеком. «Меня могли похвалить, но никто мне не говорил, что я гениальная», - говорит в шутку певица.

Себя она называет «продолжательницей дела этих прекрасных дам». Но относится к ним, как любой другой слушатель, а не как внучка.

«...Идет дождь...

Включаю магнитофон, и холодную берлинскую квартиру наполняют голоса сестер. Поют сестры, забыв о пространстве и времени. Голоса в берлинской ночи порхают и светятся, как светлячки. «Бежит Арагва» на четыре четверти рассекает воздух, скачет по бульжникам и мостовым, усиливая тоску.

Распахиваю окна.

Ночь пахнет сиренью.

Бабушка пахла сиренью.

Детство пахло сиренью...

Трудно представить навсегда закрытые глаза бабушки...»

(Отрывок из автобиографического романа «День полета - среда»).

В 1991 году Манана эмигрировала в Германию. Сегодня считает - если бы не уехала, жизнь ее была бы совсем другой, хотя предугадать невозможно. Но суть в том, что Манана Менабде все равно осталась Мананой Менабде.

«Конечно, у меня была переоценка ценностей, когда я осталась одна в Берлине, не зная ни языка, ни людей. О многом тогда передумала, что помогло стать лучше, чем я была. Знаете, это важно, когда человек остается один – сам с собой - и у него есть возможность переоценить свои поступки», - говорит Манана.

В Берлине пришлось начинать с нуля. Начинать с нуля для Мананы привычно, если конечно, то, что ее касается,

Манана Менабде и Юлий Ким на фестивале

может быть привычным делом.

Впервые – когда окончив школу, она поступила в Тбилисский театральный институт, на курс к самому Михаилу Туманишвили. Продолжательница рода, она не могла не быть певицей. Вскоре стала солисткой всеоюзно известного государственного оркестра «Рэро». А потом в одночасье все оставила и уехала в Москву. Согласитесь, смелый шаг для 22-летней девушки.

«Проходя мимо ГИТИСа, сказала себе хочу сюда. Я зашла, сдала документы и в итоге стала студенткой режиссерского факультета», - вспоминает Манана.

Московская жизнь, выступления, съемки, встречи, успех. После окончания института ей предложили остаться на кафедре. Но заниматься мертвой, по ее словам, работой Манана себе не позволила. Вернулась в Тбилиси и устроилась режиссером на телевидении. Она сняла мюзикл «Любовь, шарманка и восьмое марта», создала музыкальные сценарии для передач – «Детский альбом Баха», «Индийская музыка и философия - Бенгалия» по стихам Рабиндраната Тагора, «Преследователь» - о великом американском джазовом саксофонисте Чарли Паркере.

Пунктуальную и талантливую, жесткий мир телевидения ее не принял. Лучше считать человека непохожего белой вороной, чем признаться в том, что он тебя превосходит, пусть даже в пунктуальности. Она не вписывалась в однотонную советскую действительность. А индивидуальность здесь не уважали ...

Тяжелый период, последовавший за этим, Манана пережила только благодаря друзьям. Певица снова на сцене, снова гастроль. Но и это не спасало. И тогда Манана решила уехать. Как ей казалось – навсегда.

«Мне надоела такая жизнь, поэтому я уехала в Берлин, где все в очередной раз нужно было начинать с нуля. Я получила стипендию имени Генриха Белля. Затем еще одну, и еще. Со временем стала выступать с концертами, делать выставки своих картин, изготавливать керамику. Спустя еще какое-то время меня начали узнавать на улицах. Сейчас на моих концертах нет свободных мест. Это всегда очень приятно».

Манана Менабде – из той категории людей, которые все время плывут против течения.

«1996 год, сентябрь, Берлин.

... Спустя три года вновь покупаю билеты на фильм Отара «Охота на бабочек». Сердце набирает обороты. В темноте, как колокольный звон, раздаются голоса сестер... Сажу в темноте огромного зала, родная для бабу-

шек и чужая для всех.

Всему бывает конец, кроме любви.

Радуюсь, что ничего никуда не пропало, никто никуда не делся, все со мной - и живые, и мертвые. Все со мной: голоса бабушек, мое детство, грузинская легкость, робость и печаль. Взгляд грузинских глубоких и красивых глаз. Грузинское синее небо, запах земли и хлеба, луна, похожая на желтую кукурузную лепешку, бродящая в ночи до утра со мной, горящие звезды, как тарелки. Запах красного вина, запах винограда и белого горячего грузинского хлеба... Все со мной: и молочные утра, и солнце, и мой Бог, которому я молюсь, хоть забываю всуе, но Он все равно любит, прощает и помогает мне. Только грузинский Бог так прощать умеет. Только грузинские ангелы, не покидают меня никогда. Все это - моя родина. Ничего не страшно, когда есть память...»

(Отрывок из автобиографического романа «День полета - среда»).

«Сейчас мне 63. Мне было 18 лет, когда я первой в Грузии надела кожаные джинсы», - говорит Манана, когда машина делает крутой вираж на серпантине горной дороги. Эвкалиптовый дух и золотистое море где-то внизу.

- А где вы их достали в те времена?

- Я ездила с «Рэро» в ФРГ, Чехословакию, Польшу. Оттуда и привезла. Хотя все это создавало мне дискомфорт. Я по сути своей робкая и стеснительная. Но во мне был такой сильный протест. Я носила вещи из шотландки - галстук, юбку и кепку. Согласитесь, что 40 лет назад это было непривычно. Это сейчас хоть на голове стой. У меня была стрижка ежиком. Это вызывало большое недоумение. Я пела не так, как все, одевалась не так как все, говорила не так как все, сидела не так как все, двигалась не так как все. В конечном итоге, мне мешало, когда на меня все смотрели. Но я выросла в семье, в которой не терпели обывательщины. Я даже автографов давать не люблю. Но когда просят, не отказываю. Правда, смысла не понимаю.

ОДИН ДЕНЬ МАНАНЫ МЕНАБДЕ

«Я скажу так. Один день Мананы состоит из воды, каши и работы, работы, работы. Я служу трем музам – музыки, слова и живописи. Закончила два вуза, где училась на режиссерском. И все-таки считаю себя певицей. А все остальное – это дополнение», - отвечает на вопрос о своей работе.

Жизнь артиста мало чем отличается от жизни кочевника, разве что у последнего не просят автографов. Жизнь Мананы Менабде ничем не отличается от жизни любого другого артиста – самолеты, поезда...

Но и в этом есть непривычность – Манана не любит ездить. Правда, период, когда она все время на колесах и в воздухе, прошел, но ездить все равно приходится немало.

«В Германии слишком все правильно! Все чинно и причесано... Порядок во всем! Но хочется живости, хочется, чтобы линия шла не всегда прямо, чтобы она где-то искривлялась, потом поворачивала и закруглялась. Потому что круг обнимает, он замыкается и приводит туда, откуда ты начал...»

(Отрывок из автобиографического романа «День полета - среда»)

Не так давно Манана Менабде попробовала себя в роли фотографа. Интереснейший проект назывался «Объяснение любви в русской прозе». Книга создана совместно с профессором Московского государственного университета Марией Константиновной Головановской. В ней даны отрывки с текстом объяснения в любви – от «Слова о полку Игореве» до современной русской прозы.

Из тысячи фотографий, снятых Мананой, отобрали полтораста. Постановочным студийным фотографиям с антуражем эпохи, она предпочла другие, непривычные.

Вот эпизод, где Вронский объясняется в любви Анне, а на фото - старуха с кошелками, устало поднимающаяся по эскалатору в метро. Манана размышляет о роли женщины в современном обществе: «Представляете, какая метаморфоза произошла с женщиной от Анны Карениной до сегодняшних дней. Понятно, что в XIX веке дамы были гораздо более женственными. А сейчас мы утратили какую-то функцию. Во-первых, семьдесят лет была уравниловка. Как люди мы равны. Но у женщины есть свое место, а у мужчины – свое. И в этом вся красота. Я мало похожа на Анну Каренину, это правда. Я все время в джинсах. Это удобно, но неправильно. Зачем носить элегантную сумку, когда можно закинуть за плечи рюкзак и побежать по делам. Нас испортили. Привычка – очень плохая вещь. И мы утратили женскую красоту».

«БЕСПРИДАННИЦА»

Остаться на фестивале до конца Манане не позволила ее новая работа. С недавних пор – она актриса Театра «Мастерская Петра Фоменко».

В поставленной Фоменко «Бесприданнице» Островского она играет непривычную роль – образованную цыганку. Сначала задумывалось, что Манана сыграет в спектакле судьбу. А потом роль трансформировалась в цыганку, которая поет песни на стихи Осипа Мандельштама. Музыку к спектаклю написала Манана.

«Я вообще свободный художник, - говорит она, - но то, что мне дает Петр Наумович, несмотря на то, что я сама уже бабушка, это уникальный шанс. Учиться можно до скончания века. Я люблю наблюдать, как он репетирует, как работает, как мыслит.

Искусство не имеет границ. Творчество Мананы никогда ничем не ограничивается.

Репертуар ее песен разнообразен. Трогающие за душу грузинские романсы сменяются почти медитативными народными мотивами. Песни Окуджавы и Вертинского в ее исполнении звучат и знакомо, и непривычно. Ее концерт – всегда маленький спектакль.

Хотя сборник «Сны о Грузии» стоит особняком. В это собрание песенных жемчужин вошли лучшие песни в карьере Мананы. Для того, чтобы прочувствовать их изысканность и эмоциональность, не нужно знать грузинского языка. Идущая от исполнительницы энергетика преодолевает языковые барьеры.

В этом убедились и гости поэтического фестиваля на концерте с Юлием Кимом.

«Я считаю, что творческий обмен на любом уровне очень интересен. А когда он принимает такие формы, как фестиваль, на который приглашены люди из 32 стран – творческое обогащение для каждого, выход на другую ступень. Я больше чем уверена, что вы задумали и осуществляете правильное дело, которое принесет свои плоды», - поделилась Манана Менабды своими впечатлениями о фестивале, на котором побывала впервые. И впервые за двадцать лет – в Батуми.

ДОЛГАЯ ДОРОГА ДОМОЙ

«Солнце-то одно, только там – это грузинское солнце. И оно – мое». Эти слова из интервью Мананы Менабды московским журналистам. С годами она изменилась. Но пожалуй, только внешне. Принципы остались прежними.

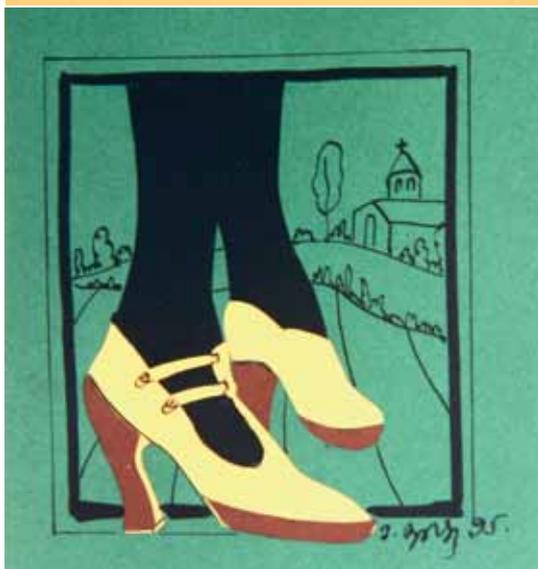
Но с годами пришло понимание того, что она стоит на том месте, куда направлены прожекторы. И тут нельзя повести себя недолжным образом. А еще Манана думает о том, что бы вернуться в Грузию. Домой. Она все чаще приезжает сюда, и все чаще – с новыми проектами».

Пятьдесят шесть минут, отпущенных на дорогу от Батуми до Поти, пролетели незаметно. Уже подъезжая к театру, где ее с гитарой ждали с нетерпением, Манана сказала мне: «У меня есть книга притч. И одна из них о том, что человек от себя переехал в другой город. Но ведь от себя съехать невозможно».

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

Работы Мананы Менабды

СЕРГЕЙ СВЕТЛОВ – МОСКОВСКИЙ КОМПОЗИТОР И ПОЭТ, ПОЮЩИЙ В ЖАНРЕ ЛИРИЧЕСКОЙ ПЕСНИ, БЫЛ УЧАСТНИКОМ МЕЖДУНАРОДНОГО РУССКО-ГРУЗИНСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ФЕСТИВАЛЯ. ОН СТАЛ АВТОРОМ ЖИЗНЕУТВЕРЖДАЮЩЕЙ ПЕСНИ НА СТИХИ ЛЮБИМОГО ВСЕМИ АКТЕРА И ПОЭТА НИКО ГОМЕЛАУРИ «МЫ ВЕРИМ В ЖИЗНЬ». НЕДАВНО СЕРГЕЙ ВЫПУСТИЛ АЛЬБОМ ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫХ ПЬЕС «ОКЕАН».

ЧТОБЫ ТРОГАЛО ДУШУ

Участники фестиваля у Пестрой бани

- Сергей, ваше гармоничное творчество диссонирует с суровой реальностью...

- Своей музыкой, стихами, песнями пытаюсь восстановить баланс в мире. Конечно, специально я об этом не думаю. Просто пишу песни на стихи лучших представителей русской поэзии, поэтов золотого и серебряного веков. Мне особенно близок Афанасий Фет... Кстати, он ведь признан поэтом чистой красоты, представителем «искусства для искусства», за что его нередко упрекали. Порой мне трудно выходить в больших сборных концертах, когда поют на актуальные, гражданственные темы, исполняют юмористические песни. А тут я со своей любовью, со своей лирической интонацией. На Всероссийском фестивале авторской песни «Гринландия-2009», на родине Александра Грина, я пел о любви, и были восторженные отклики. Зрители хотели это слушать, так что все не зря... Когда я пишу песню и внутри меня не происходит эмоционального взрыва, она просто не получается. А иногда эмоциональный взрыв бывает даже до слез...

- Взрыв – что это?

- Это нечто позитивное, сравнимое даже с очищением... Я пишу, когда мне хорошо и в душе царит гармония. К примеру, если накануне произошло что-то очень позитивное, концерт удачный, рядом любимый человек... При этом у меня много песен не только о любви, но и на темы войны, патриотизма – об офицерах, о Великой Отечественной, об афганской войне – я ее немного захватил, когда в армии служил. Они пишутся в состоянии боевого духа. Конечно, и я прошел через различные жизненные испытания. Наверняка

это отражается в песнях. В них обязательно должен быть нерв – даже в лирической песне, истории любви.

- Ваши песни - это скорее покой после бури.

- Да, наверное. Но творчество должно нести позитив, чтобы песня, услышанная на концерте, помогала человеку жить дальше в наше сложное время.

- Поэзия, даже облеченная в музыкальную форму, - довольно интимная вещь. В то же время существует необходимость выходить с исповедью к большой аудитории. Нет ли тут противоречия?

- Я скажу так: поэзии, музыки не должно быть слишком много. Песня сама найдет своего слушателя.

- Предпочитаете камерную аудиторию?

- Конечно, когда зал не очень большой, легче разговаривать со зрителем. Пока я выступаю в довольно маленьких аудиториях - до ста человек. Приходится действительно выкладываться. Среди моих слушателей, в том числе, пенсионеры, ветераны, школьники. Иногда бывает довольно сложно достучаться до них. Но песня помогает найти контакт. К примеру, пенсионерам предлагаю вначале классику, поэзию Серебряного века – песни-романсы. У меня даже есть такая программа - от Пушкина до наших дней. Фет, Гумилев, Бальмонт, Есенин. Из современных – Владимир Масолов. Мы с ним написали романсы, песни на военную тему. Замечательный московский поэт – Петр Окаемов. С ним мы выпустили несколько альбомов. В Москве вообще наблюдается всплеск интереса к поэзии. Об этом никто не говорит, но практически во всех библиотеках есть салоны, в которых работают энтузиасты. У меня тоже есть свой клуб «Маэ»

стро».

- Наверное, трудно не потеряться в этом море поэзии?

- Конечно, у автора должен быть свой стиль, он должен быть узнаваем. Я стремлюсь к тому, чтобы никого не повторять. Если вижу – напоминает что-то! – я это сразу отмечаю.

- Сергей, вы выпускник музыкального училища им. Гнесиных по классу гитары. Скажите, что для вас было первично – любовь к гитаре как к инструменту или интерес к поэзии?

- Вначале я взял в руки гитару. Она появилась неожиданно, когда я учился в шестом классе. И только после армии я решил, что нужно приобрести профессиональные знания, учиться. Целый год я занимался с преподавателем, экстерном прошел весь курс начальной музыкальной школы. А гитара всегда была со мной – в армии, в стройотрядах. Была у меня тогда и своя группа – «Долина». Мы играли в московской рок-лаборатории. А потом я потихоньку влился в мир шоу-бизнеса – работал с Владимиром Мигулей, Светланой Лазаревой, Татьяной Овсиенко. Но в один прекрасный момент мне это все надоело. Была эйфория, а вот творчества – нет! Я практически ничего не писал. Нужно было определяться, и я ушел. Это произошло в 1996 году. Время было сложное. Я отошел на какое-то время от музыки, работал в немецкой химической лаборатории автомобильной промышленности, занимался красками. Это было тоже интересно, хоть и непросто! Я начал тогда сочинять музыку и записал порядка 30 альбомов – на свои стихи и стихи известных поэтов. Писал в стол. Изредка случались концерты. А стихи стал писать еще до армии. Надо сказать, родители меня всячески развивали, я ходил во Дворец пионеров, занимался и лепкой, и рисованием, и плаванием. А музыка до поры до времени дремала... Поработав в автомобильной промышленности, я решил сделать окончательный выбор в пользу музыки – совмещать было невозможно. Организовал клуб «Маэстро», купил аппаратуру. Это произошло быстро – за месяц. За несколько лет у нас перебивало немало авторов, творческих людей. Это правильно – в итоге клуб знают, меня тоже. Очень много было эфиров по кабельному телевидению. К сожалению, центральное телевидение равнодушно к авторской, бардовской песне, предпочитая попсу. От такого отношения страдает не только это направление музыки, но и джаз...

- Некоторые поэты считают, что бардовская поэзия – нечто вторичное по отношению к собственно поэзии.

- Я отношусь лояльно ко всем своим собратям, тем более – если человек талантлив. Конечно, редко и стихи, и музыка одинаково высокого уровня, как у Окуджава, например. Я часто пишу песни на стихи классиков, хотя и в наше время немало талантливых поэтов. У каждого – свое лицо, стиль, энергия. А я в своей поэтической немногословности наполняюсь какими-то музыкальными образами, и получаются баллады. Все имеет место быть... Главное – чтобы это трогало душу.

- Кто ваш учитель?

- Я очень люблю Владимира Высоцкого. Много его слушаю, читаю... Я очень благодарен Николаю Свентицкому за то, что мне прислали стихотворение грузинского актера и поэта Нико Гомелаури. Ведь я мог и не оказаться на фестивале, и люди не услышали бы эту песню. В стихах Нико я увидел боль, которую пережил грузинский народ, да и мы все... Только в больших городах России наблюдается сегодня расцвет. А в деревнях – разрушенные храмы, спившиеся люди. Да и в мегаполисах про-

исходит, скорее, расцвет бизнеса, строятся офисы, новые дома. Поэтому боль Нико Гомелаури мне сразу была понятна – мне очень понравился финал его стихотворения: «Поверим в жизнь, любовь, поверим в Бога». Слова громкие, но в них – истина. В таких песнях грань между пафосом и истинным чувством очень тонкая.

- Да, сегодня разрушается духовность.

- И это надо как-то восполнять. Человек должен обладать стержнем, чтобы жить дальше. И песни мои показывают, что есть хорошие стихи, хорошая музыка.

- Верите, что это может превозмочь влияние гляцевых журналов, торжествующей дешевки на эстраде?

- Верю. Потому что вижу это на каждом своем концерте. Те, кто приходят на мои выступления, остаются довольными и становятся моими поклонниками. И стар, и млад. Мне кажется, авторская песня должна звучать для всех. А потом, возможно, когда этот жанр обретет разные формы, появятся разные направления, она уйдет в камерность. А сейчас нужно пробиваться к большему числу людей. Пусть это будут небольшие залы, но такие концерты должны проходить как можно чаще. На это я и нацеливаюсь. Благодаря фестивалю у меня была возможность познакомиться с участниками из разных стран и установить контакты.

- Это и культуртрегерская работа.

- Для наших соотечественников за рубежом это еще и ностальгия. Я не хочу никому ничего доказывать. Просто на концертах царит расслабляющая атмосфера, звучат приятные песни на стихи мастеров поэтического слова. А

На поэтическом фестивале. 2010 год

больше ничего и не надо!

- Как вам понравилась Грузия?

- Впечатления от Грузии только светлые. Меня вообще поразила архитектура старого города... Старина как раз и притягивает, дает почувствовать связь – культурную и общечеловеческую – с традициями. Между прочим, я родился в том же роддоме, что и Булат Окуджава. Сначала семья жила в центре города, а с переездом в новостройки, на окраину Москвы я и взял в руки волшебный инструмент – гитару. У меня сейчас много классных гитар, но первую, ленинградского производства, храню особенно бережно. Она прошла со мной огонь, воду и медные трубы, ее били, ломали. И она уже немного устала...

Инна БЕЗИРГАНОВА

КОМПРОМИСС МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

... Несколько лет назад молодой эстонский бизнесмен Оливер Лооде ехал с друзьями в Пушкинские Горы. Чем ближе был заповедник, тем меньше Оливер понимал своих друзей: они перебрасывались цитатами и беспрестанно хохотали, а он чувствовал себя тупицей, не понимающим сути анекдотов. Наконец, Оливер решил объясниться.

- Ты что, не помнишь? - изумились приятели, - так ведь это из «Заповедника», а это - из «Записных книжек», а это - из «Ремесла».

Оливер молчал.

- Может быть, ты не читал Сергея Довлатова?!

Машина остановилась, и друзья собрались было высадить Оливера, но он поклялся, что непременно прочтет Довлатова и, более того, прочтет в оригинале, хотя Довлатов практически весь переведен на эстонский.

Спустя год Оливер Лооде знал Довлатова наизусть, и круг друзей стал ему тесен: ему хотелось, чтобы все разделили его любовь к писателю.

Случай представился: Оливер стал организатором

первых Дней Довлатова в Таллине, которые прошли с 25 по 27 августа.

Сергей Довлатов писал, что в его жизни было три города: Ленинград, Таллин и Нью-Йорк. «Таллин называют искусственным, кукольным, бутафорским. Я жил там и знаю, что все это настоящее. Значит, для Таллина естественно быть чуточку искусственным....»

Эстонскую культуру называют внешней. Что ж, и на том спасибо. А ругают внешнюю культуру, я думаю, именно потому, что ее так заметно не хватает гостям эстонской столицы.

В Эстонии - нарядные дети. В Эстонии нет бездомных собак. В Эстонии можно увидеть такелажников, пьющих шери-бренди из крошечных рюмок....»

Довлатов писал об Эстонии и эстонцах без туристического любования (как Аксенов), без политического пафоса (как Солженицын), но с тем пониманием и любовью, которые позволяют обходиться без преувеличений и осторожностей. Персонажи-эстонцы сделаны у него не из бережного хрусталя, но из той же остро карикатурной и одновременно трогательной плоти, что и все остальные герои.

В Таллине Сергей работал в газете «Советская Эстония», обессмертив ее и ее сотрудников в «Компромиссе»; в Таллине, в издательстве «Ээсти Раамат», должна была выйти его первая книжка «Пять углов» (сохранился набор со всеми редакторскими пометками). Жив, по счастью, и бывший руководитель издательства Аксель Тамм, делавший в 1975 году вид, что не понимает указаний КГБ, требовавшего рассыпать набор книги. Жива и редактор книги Сергея Эльвира Михайлова (у Довлатова – Кураева), живы некоторые коллеги по газете. Все они были привлечены к составлению программы Дней.

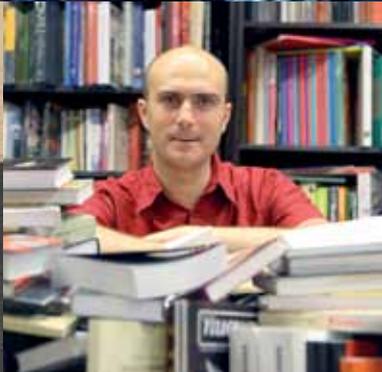
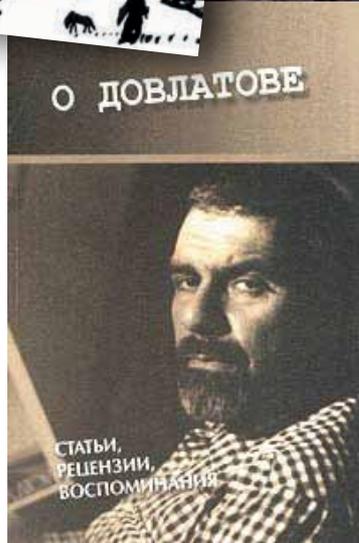
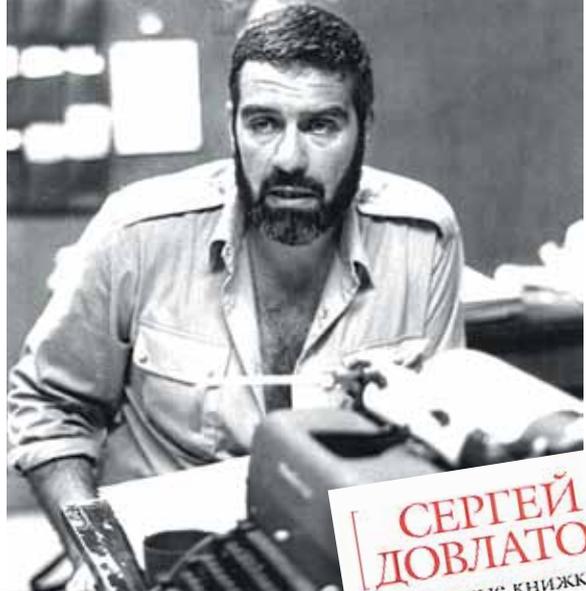
ХОРОШО, ЧТО НА КОНУ ШОКОЛАДКА
Во время подготовки фестиваля я рассказала Оливеру, что мы с Довлатовым заключали в редакции «Советской Эстонии» всевозможные пари. Была такая игра: попытаться вставить в свою статью какую-нибудь идиотскую фразу так, чтобы цензура ее не вычеркнула. Я взялась включить в рецензию слова: «Враги же клеветают». Это выражение было когда-то привычно в партийной прессе, но к середине 70-х устарело и слишком уж огрубело, - его запретили. Я исхитрилась, написав: «Криками «Враги же клеветают!» бороться с оппонентами бессмысленно!» Прошло. Сергей проиграл спор и должен был пригласить меня в бар Дома печати.

Гастрономические притязания в нашем баре тогда простирались от бутерброда с килькой за 10 копеек до бутерброда с колбасой за 18 копеек. Но в день нашего спора в бар внезапно внесли огромное блюдо с бутербродами с красной икрой, цена – 1 рубль. Сережа посмотрел на меня и сказал:

- Ну, мне интересно, кто победит сейчас в вас – поэт или мещанка?!

Я обиделась: разумеется, мещанка, которая требует бутерброд с икрой!

Икра была тут же куплена; Сережа некоторое время рассматривал меня с оттенком изумления - такие прямые ходы ему, человеку стеснительному, смущающемуся, выдающему себя постоянно со стороны, казались не-

вероятными...

Он избегал мгновенных реакций, удара, крика, междометий и восклицаний, и эта совершенно ложная литературная установка – поверять себя, да и персонажа вкусом и культурой – только в его исключительном случае дала счастливый результат!

Вслед за Довлатовым и Оливер стал заключать со мной пари. Я была убеждена, что Дни не соберут большого числа слушателей, и совершенное безумие – устраивать в большом зале Национальной библиотеки открытие, слать приглашения президенту страны и министру культуры и объявлять в Эстонском театре драмы три спектакля подряд. Мы спорили на шоколадки. Не знаю точно, но надеюсь, что Оливер любит сладкое, поскольку он неизменно выигрывал.

На фестиваль приехали гости из десяти стран, все залы были переполнены.

Министр культуры Рейн Ланг, советник президента по культуре и программный директор всех мероприятий «Таллинн – культурная столица Европы 2011» Янус Рохумаа, председатель Союза писателей Эстонии Карл Мартин Синиярв, писатели, ученые, переводчики, близкие друзья Довлатова – Андрей Арьев и Валерий Попов из Петербурга и Александр Генис из Америки, – все говорили на открытии Дней легко, весело, остроумно, стараясь не войти в стилистический конфликт с довлатовскими текстами, с его ироничным отношением к любым юбилейным торжествам.

Была открыта выставка: «Сергей Довлатов: от автора», которую мы устроили совместно с петербургской библиотекой имени Лермонтова. Нельзя сказать, что мы смогли похвастаться большим количеством экспонатов и личных вещей, принадлежащих Довлатову. Тут все развисло по сюжету «Заповедника».

«- Можно задать один вопрос? Какие экспонаты музея – подлинные?»

- Здесь все подлинное. Река, холмы, деревья – сверстники Пушкина. Его собеседники и друзья.

- Речь об экспонатах музея, – перебил я... – личные вещи... Если таковые имеются...

- Личные вещи Пушкина?... Музей создавался через десятки лет после его гибели...

- Так, – говорю, – всегда и получается. Сперва угробят человека, а потом начинают разыскивать его личные вещи. Так было с Достоевским, с Есениным... Так будет с Пастернаком. Опомнятся – начнут искать личные вещи Солженицына...

- Личные вещи, личные вещи... А по-моему, это нездоровый интерес...

- Какой же, – говорю, – без этого музей? Без нездорового-то интереса? Здоровый интерес бывает только к ветчине...»

Но все-таки, нам удалось собрать большое количество фотографий из частных архивов, рисунков Довлатова, шуточных посланий, их сопровождали цитаты из писателя, который сам выстроил для потомков свою биографию – искажая ее в тех местах, в каких считал нужным.

Вечером первого дня состоялся показ документальных фильмов о Довлатове. Лев Лурье из Петербурга показал ленту «Живая история. Довлатов», Кристина Давидянц из Таллинна картину «Интимный город», и таллинцы Элла Аграновская и Николай Шарубин «Вы еще будете мной гордиться. Довлатов».

Мне трудно судить о фильмах – в двух из трех я сама участвовала – но, думаю, их главная задача – сохранить для будущего живые рассказы свидетелей, тех, во всяком случае, которые умеют навести на резкость свою память и не просто всплескивать руками и закатывать

глаза, а хоть что-то воплотить в слове. Так уж получается, что из фильма в фильм кочуют одни и те же головы, да и говорят, по правде, примерно одно и то же. Ведь удачно найденный оборот, сюжет, рассказ постепенно обызвестковывается, становится эстрадным номером, и его автор готов исполнять его на бис десятки раз.

Впрочем, так было и у Довлатова: он множество раз проверял на слушателях свои истории и включал потом в книги только те из них, которые пользовались успехом абсолютным, могли обойтись без мимики рассказчика, без его жеста. В противном случае даже самые забавные анекдоты отменялись и гибли в черновиках.

Так, например, оформив в 1974 году отпуск и даже получив отпускные, Сергей, тем не менее, пришел на следующий день на работу.

- Не верю я, Лиля, что они мне будут платить деньги ни за что, просто так!

Однако Сергея заверили, что он действительно может целый месяц не появляться в редакции.

- Это невероятно! – не успокаивался он. – Быть не может.

И вспомнил один из своих «лишних» сюжетов.

Глубокой ночью, в совершенной тьме, позвал его с верхних нар взволнованный шепот:

- Серега, проснись! Кажется мне правду, не могу больше мучаться один.

- Какую правду, Петро?! Спи!

- Нельзя спать, Серега! Баюют люди, да поверить-то невозможно. Как с этим жить? Баюют, что есть на свете такая птичка. Колибри. Маненька-маненька, як шмель!

ДОВЛАТОВ И ХРЕСТОМАТИЙНЫЙ ГЛЯНЕЦ

Научная конференция, прошедшая на второй день в Союзе писателей, на которой выступало множество достойных людей: Юло Туулик, Сергей Доценко, Юрий Орлицкий, Андрей Арьев, Валерий Попов, Галина Доброзракова, Александр Генис и другие, вызывала во мне постоянное чувство сомнения. Как бы замечательны ни были доклады, а мне все время казалось, что Сергей Довлатов нашел бы возможность посмеяться и над ними.

Так, один из серьезных ученых (в списке нет его фамилии, и я не стану ее раскрывать) с самым научным видом рассказывал, как ему трудно даются некоторые комментарии, связанные с Довлатовскими персонажами – а он как раз занимается составлением сборника комментариев. У Довлатова есть персонаж по имени Кленский. В «Компромиссе» сказано, что Кленский болен триппером. А между тем, – продолжает ученый, – научно доказано, что никакого триппера у Кленского не было. Напротив, этот бывший журналист сделал большую общественную карьеру и сейчас является видным политическим деятелем. Он фигурирует под своей фамилией, совершенно непонятно, как ему отмыться от клеветы большого писателя.

Другой ученый в прениях предложил всю эту историю пока не излагать в комментариях, но сохранить для потомков, которым будет важно установление истины в проблеме венерического заболевания персонажа.

Спросили и меня, каков был моральный облик Кленского в бытность его работы в редакции. Я ответила, что Кленский, насколько помню, был примернейшим семьянином, чем, вполне вероятно, раздражал Довлатова.

«О, – закричали ученые, – так здесь же прослеживается принцип оппозиции: самый нравственный получает венерическую болезнь!»

Вечером второго дня состоялась премьера литературного спектакля «Читаем Довлатова». Опять же мне трудно быть объективной, поскольку сценарий к спектаклю

клю писала я сама. Могу лишь сказать, что в спектакле были использованы и письма Довлатова ко мне, и его стихи, и его проза. Несколько лет назад мы с режиссером Эдуардом Томаном сделали спектакль по Довлатову «Большой человек в маленьком городе». Тогда нам важно было показать судьбу автора, который везде и всегда был лишним, гонимым, невозможным. Сейчас с молодым режиссером Татьяной Космыниной мы решили показать только «второстепенных» персонажей Довлатова, которые создают абсурдистскую картину мира, мира безумия и нелепости.

Это пир персонажей – карикатурных, диких, нелепых, где возникает на груди дрессировочных костюмов Ляля. «Ее фиолетовое платье было глухо застегнуто. При этом оно задралось до бедер. А чулки были спущены до колен. Волосы ее, недавно обесцвеченные пергидролем, темнели у корней. Алиханов подошел ближе, нагнулся». Занимает свое место косоглазая Фира, которая совершенно напрасно, как замечает автор, боится изнасилования, и зимой и летом носит байковые рейтузы, рассуждая о том, что в Америке каждая женщина держится за своего мужа. Мелькнет Татуся, она не советует ехать в Пушго-ры, поскольку здесь совершенно нет мужиков, и многие девушки уезжают, так и не отдохнув. Заглядывает Элен, похожая на модель с рекламы финской бани, жаждущая приникнуть к автору как к источнику богатого русского языка. Утверждается официантка, для которой так же естественно воровать, как для соловья – петь. Медсе-стра, которой «обоих жалко». Елизавета Прохоровна, спавшая аккуратно, как гусеница. И промелькивают коллеги по цеху: «Зощенко восславил рабский лагерный труд». «Алексей Толстой был негодяем и лицемером». «Ольга Форш предложила вести летосчисление с момента, когда родился некий Джугашвили (Сталин)». «Лео-нов спекулировал коврами в эвакуации». «Вера Инбер требовала казни своего двоюродного брата (Троцкого)». «Любознательный Павленко ходил смотреть, как допра-шивают Мандельштама». «Юрий Олеся предал своего друга Шостаковича». «Писатель Мирошниченко избивал жену велосипедным насосом».

О ДОВЛАТОВЕ ПО-ПРИЯТЕЛЬСКИ

На третий день состоялась театрализованная экскурсия по Довлатовским местам в Таллинне: в ней участвовали прототипы некоторых Довлатовских героев.

А прощальным вечером в Эстонском театре драмы русские артисты читали самые любимые стихи Довлатова (он их перечислил в одном из писем ко мне), а потом о своем друге говорили Андрей Арьев, Валерий Попов и Александр Генис. Я вела этот вечер и рассказывала о таллиннском периоде жизни Сергея, мои коллеги рассказывали о его Питере и его Нью-Йорке.

Свойство большого писателя: не стираться в памяти, но, напротив, обрастать массой деталей, подробностей, которых, может быть, и не было в реальности, но которые точно соответствуют общей стилистике мифотворчества.

В эти дни в Таллинне раскупили все книги Довлатова – как на эстонском, так и на русском. Невозможно было достать даже сборничек воспоминаний, выпущенный на эстонском языке к дате.

Из кассы театра постоянно звонили в дирекцию: зрители требовали устроить дополнительный спектакль; у организаторов выпрашивали лишние билеты «за любые деньги». В спектакле участвовали два эстонских артиста, не знавшие до репетиций русского языка, а двое русских артистов совершенно не знали эстонского. К концу репетиционного периода они стали прекрасно понимать друг друга.

Сцена из спектакля

После спектакля

Жизнь по Довлатову – это всегда компромисс. И дело не только в том, что автор работал в партийной прессе середины семидесятых годов минувшего века, подчиняясь законам журналистики тех времен... Я бы сказала, что компромисс для Довлатова был понятием куда более широким: принимать людей, время, события такими, какие они есть, искать в джунглях жизни просветы терпимости и добра. Уметь испытывать жалость. Ту милость к падшим, о которой говорил Пушкин.

А сегодня мы можем говорить о компромиссе между жизнью и смертью – посмертным признанием и живой славе Довлатова.

В Эстонии принято решение сделать Дни Довлатова ежегодными.

Елена СКУЛЬСКАЯ

СОРАТНИК, ВОЛШЕБНИК, ТАЛИСМАН

Николая Свентицкого, директора Тбилисского русского драматического театра им. А. С. Грибоедова, президента МКПС «Русский клуб», заслуженного деятеля искусств РФ, кавалера многих государственных и общественных наград, никому пока так и не удалось уговорить написать книгу о себе. Он крайне редко и крайне неохотно дает интервью. Но в редкие свободные минуты в компании симпатичных ему людей счастливицы получают радостную возможность послушать его рассказы из первых уст. Поверьте на слово: какие имена звучат, о каких событиях вспоминается! Мхатовские «основоположники», «зубры» Малого театра, и тут же - исполнители грузинской городской песни и легендарные рокеры; триумфальные гастроли Грибоедовского в дни его расцвета по всему СССР, а вскоре - полудетективные-полуфантастические усилия по спасению театра в годы голода, холода и безработицы, официальные приемы в самых высоких кабинетах и дружеские застолья с теми, кто обитает только в телевизоре... Да мало ли! Заслушаешься - сколько юмора и печали, сколько праздников и горьких дней, а главное - сколько труда, ежедневного труда. Голова идет кругом. Но, как уже было сказано, Свентицкому не хочется, да и некогда, писать книгу о себе. Поэтому мы начнем этот роман сами, сами будем собирать «золотые россыпи». Тем более, повод более чем подходящий - Николаю Свентицкому исполняется 55 лет!

Н. Свентицкий на театре уже более 35 лет, и театр остается его главной любовью и делом жизни. Он работает совершенно - никогда не отвлекается на чепуху, но для него нет мелочей. И поэтому если все дороги ведут в Рим, то все коридоры в театре ведут в кабинет директора.

Первую и, надеемся, не последнюю страницу нашего романа - страницу театральную - открывает, конечно, художественный руководитель театра им. А. С. Грибоедова, лауреат Государственной премии Грузии, многочисленных отечественных и международных театральных премий Автандил Варсимашвили.

- Батона Авто, знаете, я сама себе сейчас завидую, потому что разговариваю с культовым театральным режиссером о человеке, который давно уже стал легендарной личностью - о Николае Свентицком. Для наших читателей Свентицкий - это директор Грибоедовского театра, президент Союза «Русский клуб», организатор международных поэтических фестивалей... Кто он для вас в первую очередь?

- Есть такое прекрасное русское слово - «соратник». Толковый словарь объясняет нам значение этого слова как «товарищ по битвам, по войнам». Когда я думаю

Николай Свентицкий

о Коле Свентицком, это слово приходит мне на ум, не спрашивая меня. Потому что он и есть соратник. Не все друзья могут быть соратниками по многим объективным причинам. Театр - это поле битвы, это фронт, поэтому в театре нужны соратники. На Колю можно не просто надеяться, а можно доверить абсолютно все - он точно никогда не подведет в деле. Он может обругать тебя, но в деле он - совершенный соратник. Когда меня спрашивают, хорошо ли нам с ним работается - ведь мы люди совершенно разные - я всегда отвечаю, что мы не просто хорошо работаем, а идеально. Мы оба понимаем и наши задачи, и суть того, к чему мы стремимся.

- Вы всегда заодно?

- В концептуальных, принципиальных вещах мы всегда заодно, всегда. А по характерам мы совершенно не сходимся.

- Как вам удается преодолевать непохожесть характеров, которая для всех очевидна?

- У нас есть общая цель - сохранить русский театр в Грузии. И в этом мы с ним бескомпромиссны и понимаем друг друга не то что с полуслова, а телепатически. Поэтому мне замечательно с ним работается. Я повторю - идеально.

- Говоря о Свентицком, прежде всего надо говорить о театре имени Грибоедова. Как началось ваше сотрудничество с Николаем Николаевичем? И как, кстати, вы рискнули взвалить на себя в 1999 году эту тяжелую ношу - русский театр в Грузии?

- Да, это страшно тяжелая ноша. Я рискнул по многим причинам, но главное - в тот момент я понял, что это был вызов мне. И я его принял.

- *Профессиональный вызов?*

- Да, чисто профессиональный. И в то же время, естественно, меня вела боль за ту культуру, которая может потеряться в этой стране. Я люблю Тбилиси за его мультикультурность. Она мне очень близка – и как режиссеру, и как гражданину. И тогда, в 99-м, я, без ложной скромности, понял, что, может быть, я единственный человек в мире, который способен взять на себя ответственность за мультикультурность своей страны. Я понимаю, что звучит несколько помпезно, но я это действительно ощущал. И тогда же я познакомился с Колей. Я не могу сказать, что мы сразу же сдружились. Мы присматривались друг к другу, и нам понадобился один сезон. Я думаю, что стал хорошим художественным руководителем в понимании Коли. Мне кажется, что ему всегда мешали работать. А я очень многое переложил на его плечи.

- *И ему стало легче, как ни странно?*

- Да, ему стало легче работать. Он решает и организует многие очень важные вещи в театре, что умеет делать просто фантастически. Он невероятно способен анализировать. Он уникально одарен способностью регулировать отношения людей в театре, а это очень сложно и очень важно в театре. Он создает комфортные условия для тех, кто готов работать и творить. И поэтому я называю его соратником. С ним я пошел бы в любой бой.

- *Вы сказали, что театр – это и есть бой, война...*

- Да, конечно.

- *А за что и с кем воюете?*

- За истину. С миром. Это фронт не потому, что здесь собрались сволочи, и их надо уничтожать, а потому что театр каждый день должен доказывать, что он жив, говорить, убеждать окружающий мир в том, что мы нужны, что без нас было бы гораздо хуже в этом страшном обществе.

- *Как вам кажется - сегодня театр держится на плаву, или есть течи, или он в штормах?*

- Есть самое главное – труппа, которая, я не хочу говорить «держится на плаву», но может плыть даже в океане и сохранять высокий уровень мастерства, профессионализма. Конечно, всегда хочется больших результатов, но есть какие-то предлагаемые обстоятельства – русскоязычный зритель на глазах исчезает, и в этих предлагаемых обстоятельствах театр Грибоедова живет очень достойно.

- *В этом для вас со Свентицким больше радости или головной боли?*

- И радость, и головная боль одновременно. Радость – когда мы видим, что театр существует, что есть сильная труппа, что зритель после спектаклей горячо аплодирует и кричит «Браво!» А головная боль, потому что каждый раз нам приходится все больше и больше напрягаться из-за отсутствия русскоязычного зрителя.

- *Так не кажется ли вам, что в горьких условиях, когда русский язык стремительно теряет позиции, и спектакли Грибоедовского, и многочисленные проекты, которые реализует Николай Свентицкий как президент «Русского клуба», - это проекты на один день, не имеющие будущего?*

- Нет, мне так не кажется! Все проблемы происходят из-за того, что наши страны воюют. Но я уверен – это временно. Пройдет совсем немного времени, и Грузия и Россия поймут, что нам не жить друг без друга.

- *То есть вы, как два соратника, реально работаете на будущее?*

- Естественно. Наша работа имеет только один смысл

и значение – работа на будущее. В театре нельзя жить и работать сегодняшним днем - все деяния должны быть направлены на завтрашний день.

- *Это очень парадоксально, потому что сами актеры называют свое дело рисунками на песке. Поставлен спектакль – и волна времени его смывает.*

- Это неправильное понимание – сыграли спектакль и разошлись. Если мы смотрим на театр, как на организацию, которая несет некую миссию – а живой театр не может быть иным – то надо понимать, что миссия несется именно на завтрашний день. И все проекты Коли Свентицкого в «Русском клубе» работают сегодня и будут работать завтра. Потому что какая-то маленькая девочка, которая побывала на нашем спектакле, запомнит это на всю оставшуюся жизнь, это обязательно когда-нибудь сработает, и обязательно - в лучшую сторону. Мы всегда должны думать именно в этом направлении, когда говорим о просветительских проектах.

- *Вы сказали, что вам с Николаем работается идеально. И все же, как вам это удается?*

- Конечно, у него очень сложный характер. Он непростой человек. Но мне нравится в нем то, что он ходячий праздник. У него есть неодолимое пристрастие все время устраивать какие-то фейерверки - в жизни, в театре, вообще – вокруг себя. Ты можешь соглашаться с этими праздниками или не соглашаться, но это на самом деле потрясающее качество, - человек живет тем, что хочет дарить окружающим праздник. А если меня попросят вспомнить какие-то эпизоды, то первое, о чем я подумаю – как он помогает людям в очень сложных ситуациях. И не только мне. Всем. Он может помочь совершенно незнакомому человеку. Он видит, что человек попал в экстремальную ситуацию, все бросает и начинает заниматься делами этого человека. Помогать людям – это одна из самых главных черт Николая. И это божий дар. Не все умеют помогать. Я знаю многих, даже очень богатых людей, которые не любят помогать. И дело даже не только в материальной помощи, а в поддержке. Поэтому я его называю соратником, и так и буду называть. А то, что он творит в плане театральной организации – это переходит подчас в сферу фантастики. Бывает, кажется, что ничего не получается, звоню ему и говорю – все, ничего у нас не выйдет. А он отвечает: «Обязательно все получится!». И действительно все получается! Я абсолютно влюблен в этого человека.

- *Николай снимается в каждом из ваших фильмов...*

- До меня Федерико Феллини говорил про Марчелло Мастоияни, а потом Гия Данелия сказал про Евгения Леонова, и я с большим уважением к этим мастерам повторю их мысль о том, что в твоих работах нужен человек, который приносит удачу. Даже если он не играет главную роль, должен обязательно присутствовать – на счастье.

- *Талисман?*

- Вот именно. Роль такого талисмана и играет для меня Николай.

- *Что вы ему пожелаете?*

- Я не побоюсь банальности и пожелаю ему крепкого здоровья. А себе я пожелаю очень долго работать вместе с ним, потому что с ним надежно и весело.

Автандил Варсимашвили

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

«ЗАВЛЕКАЮТ В СОЛОЛАКИ СТЕРТЫЕ ПОРОГИ...»

Булат Окуджава в детстве

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ СТАРОГО РАЙОНА

Каждому, кто хоть раз побывал в Сололаки известно: до другого старого тбилисского района - Мтацминда - путь недолгий, минут десять ходьбы. Это – если по молодости и вприпрыжку. А если так, как идет пожилой человек впереди нас – медленно, с остановками, пристально вглядываясь в знакомые окна и двери подъездов, то и подумается: путь длиною в жизнь.

Вот он остановился у дома, значит, и ему здесь что-то о ком-то напоминает.

Похоже, мир своего тбилисского детства приезжал искать сюда и «певец Арбата», книги и стихи которого издавались множество раз и известны повсюду – Булат Окуджава. По старым извилистым улочкам мы незаметно дошли до района Мтацминда и остановились возле Тбилисской консерватории. «При чем здесь консерватория?» – спросите вы. Да, она во многом обязана своим возникновением русско-грузинским культурным связям – 110 лет назад Антон Рубинштейн дал в Тифлиском оперном театре исторический концерт, весь его сбор пошел на создание фонда для постройки этого здания. И, в

благодарность, в угловой нише фасада консерватории установлена его скульптура. Но Булат Шалвович никогда не писал песен на музыку этого композитора и одного из величайших пианистов мира! А все очень просто. Именно здесь, можно сказать, у стен консерватории, Окуджава провел большую часть своей тбилисской жизни. Какое-то время (очень небольшое) он жил и в других районах города. Но именно на улице, которая своим именем Грибоевская олицетворяет общие страницы истории Грузии и России, происходили события, сыгравшие огромную роль в судьбе человека, без которого невозможно представить русскую литературу минувшего века.

После того, как мальчик, родившийся в московском роддоме Грауэрмана, месяц прожил на Арбате под именем Дориана, родители решают окончательно зарегистрировать его, как Булата. А еще через пару недель отец командирован на партийную работу в Грузию. Лучшего места назначения нельзя было придумать – о своих кутаисских и тифлиских корнях Окуджава подробно рассказал в романе «Упраздненный театр». И, естественно, в течение нескольких лет малыша отвозят в Тифлис к грузинским родственникам со стороны отца, и армянским – со стороны матери. Кстати, те тоже ходили по Сололаки – улицам Паскевича (ныне – Кикодзе) и Лермонтовской.

Уже за спиной Ортачала.

Кура пролегла стороной.

Мне только лишь три отстучало,
А что еще будет со мной!

.....

Я еду Тифлисом в пролетке
И вижу, как осень кружит,
И локоть родной моей тетки
На белой подушке дрожит.

А вот – и первый, детский опыт межнационального общения: «Он отправляется играть в старый тифлиский дворик с Нерсесом и другими детьми, перемешивая

армянские, грузинские и русские восклицания с той же самозабвенностью, с какой, перемешиваясь, витают вокруг него ароматы молодого чеснока, киндзы и грецких орехов, и лобиво...»

В начале 1930-го семья воссоединяется на исторической родине и поселяется в знаменитой гостинице «Ориант», где тогда располагались высокие партийные чины. Это – то самое здание, которое прожило на проспекте Руставели 125 лет, успев побывать еще и «Интуристом». А когда его превратили в Дом художников, стены переделанных номеров все равно хранили память об оставившихся здесь гостях грузинских писателей, среди которых – Михаил Булгаков, Сергей Есенин, Борис Пастернак, Николай Тихонов... Да и вообще, «Ориант» был для русских литераторов символом Тифлиса настолько, что Илья Ильф и Евгений Петров поселили в нем Остапа Бендера и Кису Воробьянинова, гонявшихся за Театром Колумба. Увы, уже почти 20 лет как ни тбилисцы, ни их гости не видят этого здания – оно сгорело в гражданской войне начала 1990-х. Но зато к дому, в который семья Окуджава переехала из «Орианта», любой желающий может подойти вместе с нами. Это – тот самый дом №11 на Грибоедовской, напротив консерватории. Отсюда маленький Булат поедет с матерью в Москву, когда отца переведут в Нижний Тагил, где ему суждено погибнуть как «врагу народа». Сюда приедет с Арбата через год с небольшим после того, как чекисты придут и за мать. Отсюда он уйдет на войну, сюда вернется с ранением, здесь примет мать, вернувшуюся из заключения... Вообще же, именно в те годы, которые он провел в этом доме, многое в его жизни происходило в первый раз.

Список событий, которому можно дать заголовок «впервые», внушительен. Начало «тбилисского периода», до 1932-го: Булат знакомится с музыкой в консерватории и в опере, ставшей его пожизненной любовью; поет сам – в дворовых спектаклях, которые, к тому же и режиссирует; идет в первый класс школы, начинает рисовать. В 1940 году оставшийся без родителей Булат заканчивает седьмой класс и сестра матери Сильвия привозит его с Арбата все в ту же квартиру на Грибоедовской. Так начинается его второй «тбилисский период». В нем – еще больше событий, происходящих впервые. Оценено поэтическое дарование – учительницей литературы Анной Аветовной Малхаз-Тарумовой, организовавшей в 101-й школе литературные вечера и драмкружки. Чтение своих стихов перед друзьями. Выход на публику – в составе агитбригады, созданной Анной Аветовной для выступлений в госпиталях перед ранеными. Встречи с обладателями громких имен. Все та же учительница литературы приглашает в школу корифеев эвакуированного МХАТа – Ольгу Книппер-Чехову, Василия Качалова, Михаила Тарханова и других. Окуджава так читает им стихи, что сам Качалов расцеловал его! Ну, а эвакуированные звезды Большого театра Вера Давыдова и ее муж, директор оперной труппы Дмитрий Мчедлидзе вообще поселились на одной лестничной площадке с семьей Сильвии. Кстати, впоследствии супруги переехали в Грузию насовсем – она преподавала в Тбилисской консерватории, напротив которой они жили в годы войны, он возглавлял Театр оперы и балета. Но это – так, к слову. Слову о том, как

переплелись и здесь судьбы грузинского и русского искусства. Что же касается Булата, то до его ухода на фронт в 1942-м произошли еще два важных события: первый резкий «взрослый» поступок – уход из школы и первая запись в трудовой книжке – «статист Тбилисского русского драматического театра имени Грибоедова». Ну, а потом – первый воинский эшелон... Помните: «И женщины глядят из-под руки, / в затылки наши круглые глядят»? А вот – еще конкретнее:

Уходит из Навтлуга батарея.

Тбилиси, вид твой трогателен и нелеп:
по-прежнему на синем – «бакалея»,
и по-коричневому – «хлеб».

.....

Мы проезжаем город. По проспекту.

Мы выезжаем за гору. Война.

И вывески, как старые конспекты,
свои распахивают письма.

Третий «тбилисский этап» в биографии Булата Шалвовича начинается весной 1944 года, когда, после ранения, он вернулся с фронта все в тот же дом №11. И, пока он жил там, в семье своей тети Сильвии, появляются новые «впервые». После получения экстерном аттестата зрелости – первая публикация в прессе: стихотворение под псевдонимом «А.Долженев» в газете Закавказского фронта «Боец РККА» (впоследствии – «Ленинское знамя», «Закавказские военные ведомости»), а затем, там

Булат с родителями

С мамой

же – стихи уже и под собственным именем. Первые посещения литературных объединений, ничем дельным, впрочем, для него не закончившиеся. Первые поклонницы – в Тбилисском университете, на филфак которого он поступает. Первая песня – «Неистов и упрям, гори, огонь, гори». Первая попытка жить отдельно от родственников, правда, не очень далеко – полуподвальная комнатка снята через

дорогу, в здании консерватории, и именно в ней был создан литературный кружок «Соломенная лампа». Первое личное знакомство с большими поэтами – в 1945-м читал свои стихи Борису Пастернаку, приехавшему в Тбилиси, а спустя три года – Павлу Антокольскому и Александру

Межирову. Первая женитьба – на Галине Смольяниновой, дочери переведенного в Тбилиси подполковника Советской Армии... Дальнейшие «впервые» относятся ко времени, прожитому уже не в доме напротив консерватории, а в семье молодой жены. Но именно в Тбилиси обидительные «органы» впервые проявляют к нему внимание уже не из-за родителей, а из-за него самого. Была и первая «профилактическая» беседа – из-за того, что «Соломенная лампа» собирала слишком вольно мыслящих молодых людей.

О чем еще напомним нам старый дом у подножья горы Мтацминда? В первую очередь, о том, что Окуджава, превратившийся в нем из паренька в мужчину, конечно же, не мог не возвращаться вновь и вновь в город, с которым он был кровно связан. Который, по своим духу и традициям, привечал его в трудные минуты. И из которого в 1950-м, он уехал, как говорится, в большую жизнь.

И вижу, ба, знакомые все лица
и речи, и грехи из года в год!
В одежке, может, малая крупца
нас различает - прочее не в счет.

.....
И вот тогда (сто раз увидев это)
о, может быть, и сам я стану вновь
сентиментален, как его рассветы,
и откровенен, как его любовь.
Но и в другой – московской жизни - Тбилиси продол-

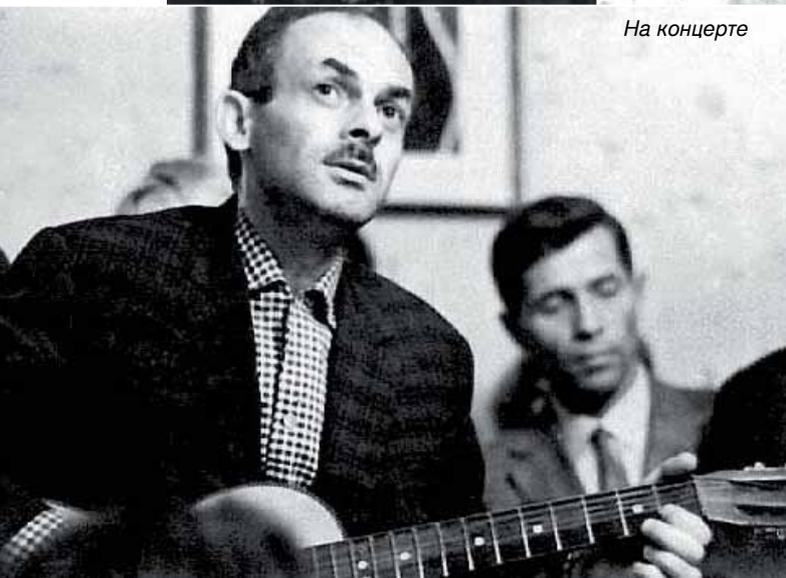

Буллат Окуджава в редакции
Грузинформа

На концерте

С мамой. 1978

жал дарить ему события под грифом «впервые». Среди них - первое появление повести для детей «Прелестные приключения» - в 1971-м, в издательстве «Накадули», с рисунками самого Булата Шалвовича. И, конечно же, первое предложение непосредственного покровительства из самого высокого партийного эшелона. В начале 1983-го, в очень нелегкую для себя пору, он приехал в Тбилиси, где руководство республики предложило ему жить и творить в Грузии... А теперь перелистаем страницу, на которой понятия «первое» и «последнее» стоят рядом. В январе 1997 года в «Новом мире» впервые печатаются «Автобиографические анекдоты» Окуджава, и в мае автор должен впервые «вывести их на международную арену» - читать в парижской штаб-квартире ЮНЕСКО. Но за два дня до выступления он попадает в больницу, выйти из которой ему уже не суждено. Так «Автобиографические анекдоты» становятся последней прижизненной прозаической публикацией Булата Шалвовича. И именно в них он, опять-таки впервые, поведал миру о своей первой попытке напечататься.

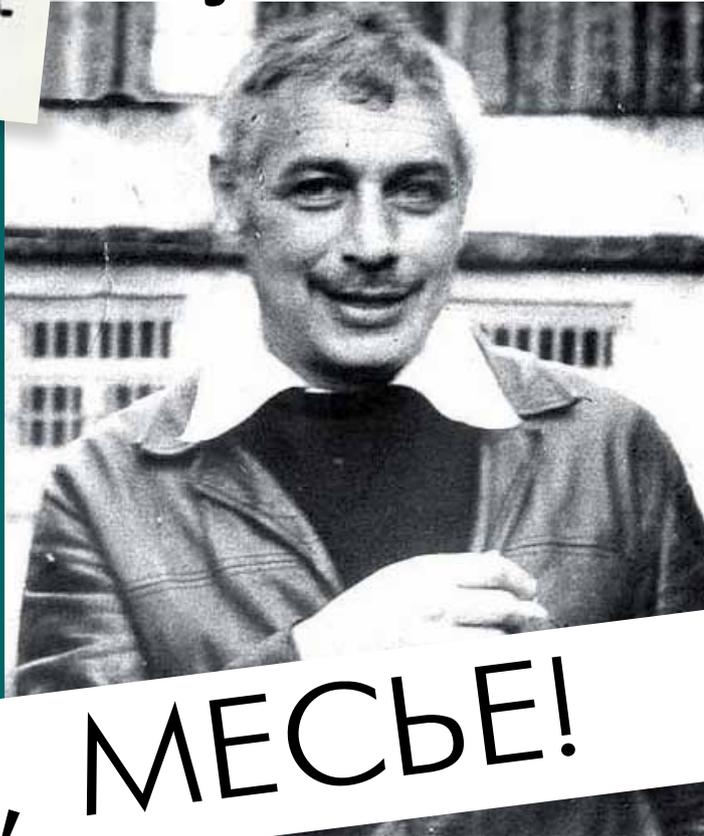
Было это, конечно же, в Тбилиси. Стихи, которые писал 12-летний Булат, очень нравились не только ему самому, но и его дяде с тетей – бухгалтеру и «просвещенной домохозяйке». Они кричали, что племянник - гений, а дядя даже прямо спросил: «А почему у тебя нет ни одной книги твоих стихов? У Пушкина сколько их было... и у Безыменского... А у тебя ни одной...» «И эта печальная несправедливость так меня возбудила, что я отправился в Союз писателей, на улицу Мачабели», - сообщает Окуджава. В пустом из-за жары Союзе писателей мальчик вошел к «самому главному секретарю», заехавшему за какими-то бумагами, сообщил, что пишет стихи и хочет издать сборник. Дальнейшие события таковы: «Он стоял, не шевелясь, и какая-то странная улыбка кривила

его лицо. Потом он слегка помотал головой и воскликнул: «Книгу?! Вашу?! О, это замечательно!.. Это было бы прекрасно!» Потом помолчал, улыбка исчезла, и он сказал с грустью: «Но, видите ли, у нас трудности с этим... с бумагой... это самое... у нас кончилась бумага... ее, ну, просто нет... финита...» Дома за обедом я сказал как бы между прочим: «А я был в Союзе писателей. Они там все очень обрадовались и

сказали, что были бы счастливы издать мою книгу... но у них трудности с бумагой... просто ее нет...» «Бездельники», - сказала тетя. «А сколько же нужно этой бумаги?» - по-деловому спросил дядя. «Не знаю,- сказал я,- я этого не знаю». «Ну,- сказал он,- килограмма полтора у меня найдется. Ну, может, два...»...

Храните, небеса, тбилисские улочки – дороги длиною в жизнь, по которым ходили такие писатели и такие дяди! Именно благодаря им, Анатолий Гребнев смог сказать о друге своей юности Булате Окуджава: «Мне кажется, я один знаю, откуда эта безупречная внутренняя пластика, это сдержанное достоинство и вкус. Тут его кавказские корни, тбилисское и одновременно московское воспитание – пополам». У дома №11 на Грибоедовской позволим себе в одном не согласиться с замечательным российским сценаристом – об этом знает не только он. Мы знаем тоже.

Владимир ГОЛОВИН

ЧЕЛИДЗЕ ЛЕВАН СЕРГЕЕВИЧ (1934-1995), ФИЛОЛОГ, ЛИТЕРАТОР, СЦЕНАРИСТ, РОДИЛСЯ В СЕМЬЕ ТЕАТРАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ. ОКОНЧИЛ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ТБИЛИССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. ИВ. ДЖАВАХИШВИЛИ (1959) И ВЫСШИЕ КУРСЫ СЦЕНАРИСТОВ И РЕЖИССЕРОВ (1962). АВТОР СЦЕНАРИЕВ КИНО- И ТЕЛЕФИЛЬМОВ «ПЬЕР – СОТРУДНИК МИЛИЦИИ», «ЖЕЛАЮЩИЕ МОГУТ ЗАПИСАТЬСЯ», «ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА», «НЕ ВЕРЬ, ЧТО МЕНЯ БОЛЬШЕ НЕТ», «СИНЕМА», «КОРОЛИ И КАПУСТА», «БЬЮТ – БЕГИ», «БРАВО, АЛЬБЕР ЛОЛИШ!» И ДР. МЫ ПРЕДЛАГАЕМ ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА ДВА РАССКАЗА ИЗ КНИГИ «ВСЕМИ ЗАБЫТАЯ ИСТОРИЯ» Л. ЧЕЛИДЗЕ (ТБ., 1990).

ОРЕВУАР, МЕСЬЕ!

Леван Челидзе

О, это были блестящие уроки - веселые, искрометные, захватывающие! Проводил их наш школьный учитель французского, с которым я и собираюсь вас познакомить - Хорен Николаевич Дандурашвили. Представьте себе невысокого старичка в кепочке, а прямо под козырьком очки с сильно увеличивающими стеклами. И торчащий мощный нос. Добавьте к этому вылинявший плащ, стоптанные, но тщательно начищенные башмаки и старый, потрепанный, набитый учебниками и тетрадочками портфель. Это и есть Хорен Николаевич. Вы скажете - ничего особенного. И действительно - ничего, если б не сознание той большой ответственности, с которой он переступал порог школьного подъезда. По всему было видно, что пришел он сюда не в бирюльки играть, а добросовестно и самоотреченно выполнять свои прямые обязанности - вливать в подрастающее поколение те познания, опыт и профессионализм, которыми располагал.

С таким же значительным видом, и не снимая кепочки (что, впрочем, позволяли себе и другие учителя, ибо школа часто не отапливалась), он присутствовал на тех педсоветах, которые мне пришлось посетить и сидеть на «скамье подсудимых». На этих собраниях он предпочитал не высказываться, но как «значительно» он молчал! Весь его вид трехкратно подчеркивал всю серьезность момента. А момент действительно был не из простых, - сидящего со мной рядом Бориса Хомерики решено было исключить из школы. За это решение проголосовали все учителя. И тут впервые на педсовете раздался голос Хорена. На вопрос директора - кто против? - он не поднял руки, как делают это при голосовании. Он встал и уставился на коллег. Очки его при этом зловеще сверкали.

- Нельзя выбрасывать человека на улицу, - произнес

он твердо и грозно оглядел собрание.

- Почему нельзя? - насмешливо спросил директор.

- Потому что... - решительно начал Хорен, но запнулся.

- Потому что... - и он вновь начал глотать ртом воздух, как это делает рыба на суше, и сокрушенно трясти головой.

- Потому что он человек? - пришел на помощь директор.

- Именно это я и хотел сказать, - тут же подтвердил учитель французского.

Учителя еле сдерживались от смеха, а некоторые, чтоб угодить директору, делали вид, что им тоже очень смешно, - ведь вопрос был рассчитан именно на такую реакцию.

Хомерики в тот год так и не исключили из школы, это пришлось делать потом. А слова Хорена врезались в мое сердце золотыми буквами - человека нельзя выбрасывать на улицу! И если я и вынес из школы хотя бы одну житейскую премудрость, то она заключалась именно в этих, немного напыщенных, но так уверенно прозвучавших словах.

Но это все еще только прелюдия. Ибо главное, если уж рассказывать о Дандурашвили, это его уроки. Хватит ли у меня пыла и красок их передать?

- Бонжур, эколье! - с этими словами он появлялся в дверях класса в своей кепочке, под козырьком которой сверкали стекла очков.

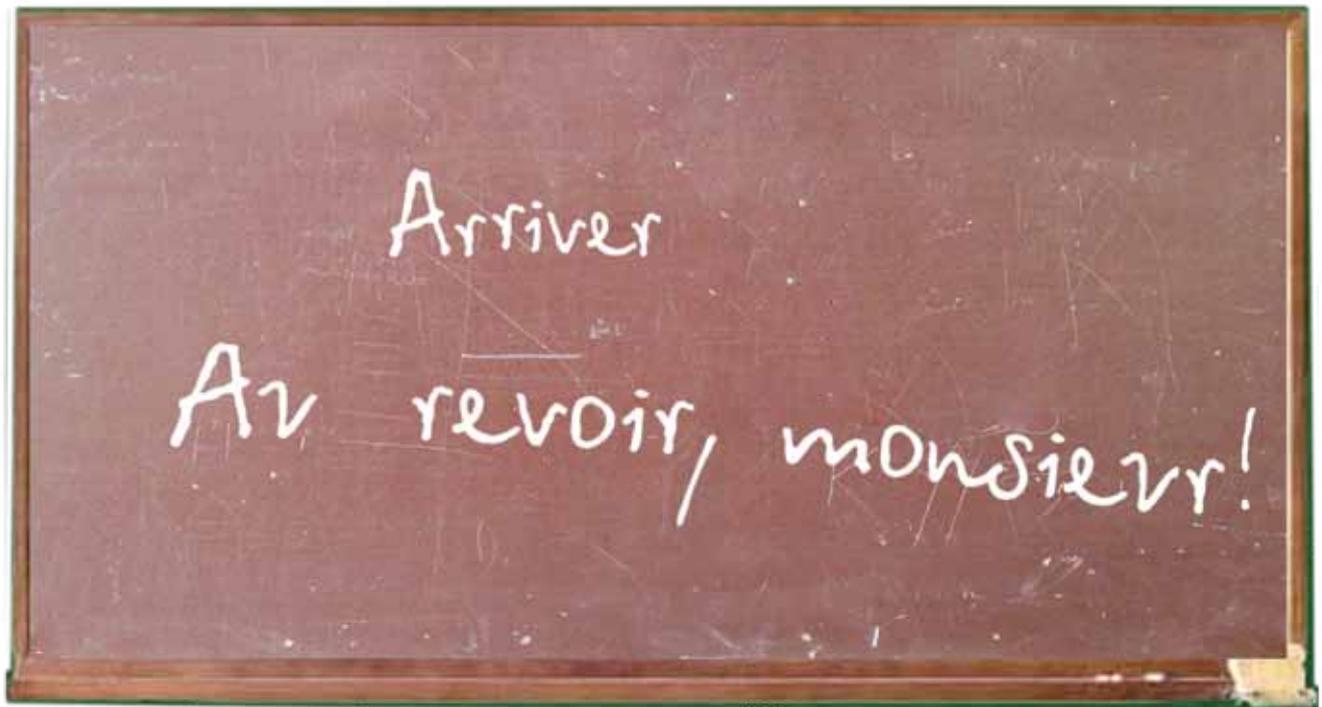
- Бонжур, метр! - орала мы во всю глотку.

- Бонжур, профессор! - кричал Хомерики.

- Бонжур, месье! - скалил зубы Шварц.

Учитель, не теряя ни минуты, приступал к уроку.

- Ананян, сотри с доски! Все открываем учебники на

странице э-э-э...

- Э-э-э! - повторяли мы.

-Сорок шестой. Какую страницу мы открыли, Сахаров?

- Сорок шестую! - бодро отвечал кто-нибудь из нас.

«Кто-нибудь» потому, что ученика с фамилией Сахаров в нашем классе не существовало. Сахаров учился в параллельном. Но если с места вскакивал Хомерики, Хорен тут же осаживал его.

- Не паясничай, Броян, вопрос обращен к Сахарову.

Хомерики он упорно называл Брояном, а настоящего Брояна - езида-переростка, моей фамилией. Я проходил и за Сахарова, и за Якубова. А Мерабова он называл Шварцом.

Вы скажете - склероз. А почему бы и нет, тем более, если учесть преклонный возраст учителя. Да и не так-то легко было в русских тбилисских школах ориентироваться в столь пестром хаосе грузинских, армянских, езидских, еврейских, русских, греческих и осетинских фамилий.

- А сейчас Богателло скажет, кто изображен на этом рисунке? - нагнетает пыл Хорен Николаевич.

За Богателло могли сойти тоже три-четыре ученика, а иногда даже я.

- На рисунке изображен гарсон Гаврош.

- Правильно, Богателло! — подпрыгивает в возбуждении Хорен. - Однако плохо с произношением. В нос, Богателло, в нос.

- Гарсон! - говорю я, гундося.

- Правильно. Повторяем всем классом! Гарсон!

- Гарсон! - гудит весь класс.

- А сейчас внимание! Читаю текст. Полная тишина!

Он читал нам текст отрывка «Гаврош», а потом кто-нибудь из нас делал то же самое, придумывая на ходу новые слова, а иногда и предложения.

- Хорошо, Шварц! Продолжает Ахундов.

Поднималось сразу несколько учеников, и тогда Хорен резко осаждал Берия - единственного ученика, фамилию которого он почему-то не путал с другими.

- Не паясничай, Берия! Вопрос обращен к Ахундову.

Наш учитель выдавал блестящие спектакли. Дело в том, что Хорен Николаевич, нажимая на голос, да еще

так, что он гудел на всю школу, адресовал его не только нам, но и тому неизвестному, который, быть может, притаился за дверьми класса, и если этот неизвестный действительно существовал, то у него должно было сложиться впечатление, что урок проходит живо, бодро, на подобающей высоте.

- Смелее поднимаем руки! А кто еще?! А еще кто? - надрывался учитель, хотя это «а еще кто?» лишено было всякого смысла, ибо не было поднято ни одной руки.

- А теперь переходим к спряжению глагола «ариве». Повтори, Сахаров.

- Переходим к спряжению глагола «ариве!» - отвечал кто-нибудь из нас. И мы поочередно спрягали этот глагол. Это не представляло труда. Уже второй, а может, и третий год подряд мы спрягали этот красивый глагол во всех существующих временах и знали это назубок. Временами Хорен подбегал к дверям, прислушивался и вдруг с новым взрывом энтузиазма продолжал урок.

- Курашвили, к доске! - Все открывают словари!

Мы спрягали глагол «ариве», читали и переводили текст о Гавроше и забрасывали учителя вопросами.

- А за что его убили?

- Как то есть за что? Революция! Баррикады!

- Жалко же!

- А кто говорит, что не жалко? Се ля ви! Берия, что я сказал?

- Се ля ви! Жизнь такая собачья! Никуда не денешься!

- Советскому школьнику это не грозит!

- Читаю текст сначала. Попрошу обратить внимание на произношение! - восклицал учитель и приступал к чтению.

Мы тем временем переписывали из тетрадей отличников домашнее задание по алгебре и тригонометрии, играли в «морской бой», перекидывались шапками. А потом кто-нибудь из нас ни с того, ни с сего бодро вскакивал на ноги и во весь голос начинал спрягать глагол «ариве». Хорен Николаевич внимательно прислушивался, не очень четко при этом припоминая, когда именно он попрощал ученика это делать.

Но вот раздавался звонок. Учитель собирал свои потрепанные тетрадки и блокноты и обращался к классу:

- Оревуар, эколье!

- Оревуар, месье! - кричали мы на всю школу.

С сознанием выполненного долга Хорен покидал класс и по дороге в учительскую с достоинством кивал ученикам, которые с ним здоровались. Но самое смешное, что и на наших лицах отпечатывалось сознание выполненного долга. Мы принимали игру. Он предлагал нам спектакль цельного, насыщенного до звонка урока, и мы, как могли, со всей ответственностью распределяли роли в этом шумном комедийном спектакле.

А потом спектакль переносился в другие классы и, сидя на уроке, скажем, алгебры или географии, мы сквозь распахнутые окна слышали, как откуда-нибудь с третьего этажа или из класса по соседству раздается бодрый голос учителя и учеников, хором повторяющих за ним каждое слово.

- Черт знает что такое! - ворчал математик и плотно закрывал окна.

Но и через закрытые окна было слышно, как Хорен где-то далеко, а иногда и рядом проводит свой искрометный урок.

Наш бедный учитель был старым человеком. Возможно, когда-то очень давно он и говорил по-французски - не знаю. Возможно, он когда-то, очень давно, знал и другие языки и вообще был обаятельным, остроумным, благодушным малым из интеллигентной и обеспеченной семьи. Возможно, когда-то, очень давно он был франтом, задирой и даже писал стихи. Кто его знает, что было с человеком давным-давно, когда он только начинал свою жизнь?

Более десяти лет в школе ходили слухи, что Хорена собираются уволить. Однако проходили годы, мы переходили из класса в класс, зачастую застревая в каждом по два года, страна залечивала послевоенные раны, менялись директора школы и названия городов, а Хорен Николаевич все оставался на своем боевом посту, полный энергии и задора.

И вдруг наступила развязка. Прямо на наших глазах.

Шел конец февраля. Ветер, который врывался сквозь разбитые стекла окон, нес дуновение весны. Хорен Николаевич с энтузиазмом проводил очередной урок. Мы подыгрывали ему, как могли. Именно в этот день он не подлетал к двери и не прислушивался. На душе у него было спокойно. И коллективное спряжение глагола «ариве» оглашало все три школьных этажа. И вдруг распахнулась дверь, и вошла комиссия. Тут были и директор школы, завуч, инспектор из РОНО, физрук и еще кто-то, а возглавляла группу высокая холеная дама с голубыми и веселыми глазами. И хоть члены комиссии были настроены довольно-таки ирриво, сам факт неожиданного вторжения таил в себе что-то зловещее. Дама с места в карьер заговорила с Хореном по-французски. Застигнутый врасплох, учитель уперся руками в стол и уставился на нее сквозь стекла очков.

- Уи, мадам! Уи! - отвечал он, кивая головой.

Он покраснел и покрывлся испариной.

- Уи! Уи!

Глаза женщины светились весельем. Вопросы сыпались, как из рога изобилия.

- Уи! - орал наш учитель с отрицающим все на свете упрямством.

И тут женщина сказала по-русски:

- Я спрашиваю, какой раздел грамматики вы проходите?

- Уи! - взревел Хорен, глядя на нее в упор.

Комиссия вышла так же неожиданно, как вошла. Ошеломленный Хорен последовал было за ней, но директор вернул его в класс. Учитель, кажется, впервые сел за стол (он обычно проводил уроки на ногах) и вопро-

сительно уставился на ребят. Никто не посмел встретиться с ним глазами. Мы делали вид, что отвлечены каждый своими мыслями и в силу этого просто не заметили того, что произошло.

- Я этого так не оставлю! - неожиданно пробурчал старичок, ударил кулаком по столу и, подхватив свой портфель, решительно направился к выходу. Но один из нас - Борис Хомерики - опередил его, открыл дверь в коридор и крикнул вслед удаляющейся комиссии:

- Живодеры!

К счастью, комиссия была уже далеко, и никто его не услышал. Но сейчас-то я понимаю, что из всех слов, имеющих в русском лексиконе, он выбрал самое меткое.

Хорена перевели на пенсию. А нашей учительницей по французскому языку стала та самая пышная дама в ренуаровском духе, которая его экзаменовала. Это была настоящая француженка - мадам Пероле - особа весьма любопытная и я бы даже сказал - роковая, но случилось так, что более чем полкласса не ходило на ее, как говорили те, кто ходил, скучные, академические уроки. Однако в тот год нам предстоял экзамен по иностранному языку, и у многих к концу года возникла необходимость нанять репетитора. Я и пять моих товарищей нашли Хорена Николаевича в малюсенькой комнатке в мансарде одного из домов Сололаки. Мы еле умещались в ней, собираясь тут по средам и субботам. Каждый приносил, что мог - кто торт, кто финики, кто вареную кукурузу. Учитель угощал нас чаем. После чаепития приступали к уроку - спрягали глагол «ариве» и читали отрывок из романа «Отверженные», где речь шла о маленьком герое французской революции Гавроше. И хоть Хорен и с полной ответственностью взялся за взваленные на него обязательства, уроки наши проходили уже без былого блеска и артистизма. Иногда, читая текст, учитель наш начинал клевать носом и засыпал над книгой. Мы осторожно выходили из комнаты, спускались во двор, играли в футбол, наигравшись вдоволь, возвращались в комнатушку и занимали свои места. Кто-нибудь из нас громко чихал. Хорен вздрагивал и просыпался. И как ни в чем не бывало продолжал читать прерванный текст. Ему казалось, что вздремнул он лишь на секунду, и никто этого не заметил.

Экзамены прошли благополучно - мадам Пероле не скупилась на тройки, а большего мы и не желали. Хорен Николаевич ждал нас на улице. Прямо под козырьком кепочки поблескивали стекла его очков. Мы выходили с сияющим видом и крепко жали его дрожащую от волнения руку.

- Пять, Хорен Николаевич, огромное вам спасибо!

- Это вам спасибо, — отвечал репетитор срывающимся от волнения голосом.

Более тридцати лет проработал Дандурашвили в нашей школе чуть ли не с первого дня советизации Грузии. Учительских кадров в ту пору не доставало и его, как бывшего гимназиста, пригласили в школу преподавать французский язык. Впрочем, как выяснилось потом, он никогда не был гимназистом, а учился в коммерческом училище. Как видите, это был не выскочка и не самозванец. Его пригласили, и он пришел, отдавая все силы, страсть и энергию любимому делу, которому и посвятил всю свою жизнь. Я думаю, что большого ущерба нашему школьному образованию он не нанес и был ничем не хуже других наших учителей. Во всяком случае то, что он вбил в наши головы, не вырвешь из них до конца наших дней - мы знаем наизусть отрывок о Гавроше, а разбудил меня хоть среди ночи, я без малейшей заминки проспиргаю вам глагол «ариве» в любом из существующих временах.

- Оревуар, месье!

ДАВНЫМ-ДАВНО

Это было в те далекие годы чудесных мечтаний, перелицованных пальто и трофейных бельгийских браунингов, чаще всего неисправных, которые запросто можно было приобрести на Руставели или Плехановском за двести-триста-четыреста рублей старыми деньгами, а потом перепродать вдвое или втрое дешевле, или обменять на туфли, на джемпер, на сверхмодный галстук с изображением голой девицы, сидящей верхом на саксофоне, на настоящий футбольный мяч-камера-оболочка, и тогда каждый член компании имел свою кличку, прилипающую к нему на целые десятилетия: Крыса, Чарли, Кипсо, Чимка, Ктуц, Монах, Макарон, Помещик, Гитлер, Свинья, Пушкин и другие, на любой вкус и манер. Это было в те времена, когда деньги на празднование Нового года мы собирали вскладчину - кто сколько может.

Гриша Шония, по кличке Кипсо, денег никогда не вносил, он приносил живых кур. Неизвестно откуда. А иногда индюшек. Ирония судьбы - сегодня он директор птицефермы. А Жора Джапаридзе приходил с аккордеоном. Пластинок мы не признавали - нужна была живая музыка. Школу танцев мы прошли на танцплощадке в парке Муштаид и на террасе верхней станции фуникулера - фокстрот, танго... А шалахо и кинтаури обучались в семьях во время домашних пирушек. Пели мы, может быть, и не очень стройно, но прилежно и с чувством.

Мы сидели за праздничным столом, и тамада (он был самый авторитетный и справедливый из нас, и жизнь воздала ему должное, отлучив его от всех остальных более чем на двадцать лет, ибо он не терпел насилия и... впрочем, это неважно) произносил тосты - за старый год и за новый, за девушек, сидящих за столом, и за тех, кто по различным причинам не присутствовал среди сидящих, хотя и был бы счастлив присутствовать, за самых отчаянных и благородных парней Тбилиси, Грузии и всего мира, за наших родителей... Когда пили за родителей, то звали к столу тех из них, кто имелся налицо. И выходила обычно чья-нибудь мама - добрая, красивая, веселая и немного усталая, для которой, как нам казалось (а может быть, так оно и было в действительности), главным в жизни были мы и наши успехи. И мы, поочередно вставая, произносили тост в ее честь - каждый в меру своего опыта, искренности, интеллекта и остроумия. А те, кто не умел

говорить, бубнили тупо «всего, всего, всего», жестами и мимикой вкладывая в коротенькое слово беспредельную признательность и любовь. А потом наступала тишина, и мы слушали, что нам говорит в ответ она - чья-то мама. И она говорила нам, что все мы очень славные мальчишки и девочки, и что от нас самих теперь зависит, как сложится наша жизнь, и желала нам счастья, которого мы по праву заслуживаем.

- Чем заслуживаем? - интересовался тамада и, застав иронию, смотрел на нее - чью-то маму - в упор.

Но этот вопрос не сбивал ее с толку.

- Всем! - отвечала она уверенно под общий одобрительный гул.

А потом мы пили за Тбилиси, за Грузию, за весь Кавказ, за всю страну, и тут уже никто не жалел голосовых связок, распевая «Раскинулось море широко», песню, которая по причинам столь же таинственным, сколь и понятным, была одной из наших самых любимых.

Кто-то пьянел раньше остальных, и завязывались маленькие стычки: кто-то на кого-то не так посмотрел, кто-то кому-то на что-то намекнул, и так далее. И, чтоб выяснить причину злого умысла, ребята выходили в коридор, во двор, на балкон, на лестничную площадку, в подворотню. А за ними выходили и другие, чтоб вовремя предотвратить мордобой. И девушки начинали нервничать, волноваться, призывая всех к порядку и напоминая, что «совесть тоже хорошее дело».

И горячие головы внимали их просьбам, ссоры кончались миром, поцелуями и рукопожатиями, и все возвращались на свои места.

А потом кто-то, кто на протяжении трех-четырёх часов все никак не решался взглянуть на девушку, похожую на цыганочку, неожиданно смелел, протягивал под столом в ее сторону руку и ловил ее руку, маленькую и трепетную, и уже не выпускал ее, не отдавая при этом себе отчета, что происходит самое счастливое мгновение всей его жизни. Минута-другая, и они покидали комнату. Там, у забора, в коридоре, в подъезде, в подворотне, на чердаке, в близлежащем сквере он говорил ей:

- Навсегда, да? Хочешь - навсегда? Нет, если не хочешь, другое дело.

И она, плача от счастья, кивала головой. А он умолял ее не плакать и, умоляя, как-то случайно начинал целовать в глаза, в нос, в щеку... Ее звали Нана... Нет, ее звали Джуля. Но ее звали и Валей, и Аллой, и Катей, и Риммой, и даже однажды Мерцией. И Виолеттой тоже.

Итак, договорившись, что они неразлучны навеки, она и он возвращались на пир, к этому времени уже вышедшему из-под контроля тамады.

Ребята клялись в вечной дружбе и пили друг с другом на брудершафт. А потом, когда в окнах появлялись проблески нового утра, те, кто не спал, будили тех, кто прикорнул тут же, в кресле, на диване, а иногда и прямо на полу. И вся компания выходила в город. И встречали на улице, на проспекте, на набережной или в городском парке такие же точно компании, как наша - с аккордеоном, бурдюками и порослячими головами, нанизанными на шампур. Знакомая компания или нет - не имело значения. Мы приветствовали друг друга, начинались обоюдные поздравления, и кто-нибудь из нашей компании танцевал кинтаури с кем-нибудь из их компании. Звучала грузинская речь, и армянская тоже, и русская, и азербайджанская, и езидская, а если в нашей компании находился, к слову, осетин, он тут же узнавал осетина из их компании, и они обменивались приветствиями на сво-

ем языке.

И вдруг все внимание - налево, к трамвайной остановке, один из наших шутников пьет на брудершафт с дворником и целуется с ним, а потом начинает танцевать, приглашая поддержать его в этом. И тогда дворник - Новый год, так Новый год - отшвыривает свою метлу и пускается в пляс, выставляя напоказ большой палец то одной руки, то второй. Но тут появляется милиционер; и мы умоляем его пальнуть из нагана, рассказать свежий анекдот и станцевать багдадури. И протягиваем ему стакан с вином. А он, с опаской оглядевшись по сторонам, вмиг опрокидывает в себя содержимое стакана. И просит нас по-отечески разойтись по домам - мало ли что, вокруг, полным-полно пьяных, да к тому же город еще спит, а мы шумим, бесимся.

И тогда наступает пора провожать наших девушек по домам. И мы ведем их под руки так осторожно, будто они хрустальные, с таким трепетом, будто каждая из них ниспослана нам небесами.

- Навсегда, да? Нет, если не хочешь, другой разговор.

- Да, да, да, - сердится она, чтоб скрыть свою нежность. - Сто раз сказать - «да»? Да?

Она еще не знает, что пройдет тридцать лет, и он будет сидеть с ней за новогодним столом. И их будет только двое. И он глаз не в силах будет оторвать от нее, такой она будет красивой. И в каждой ее легкой морщинке он прочтет длинную, трудную, только им обоим известную историю о преданности, о бессонных ночах ожиданий, о вере в призрачную надежду, которая так или иначе, а все же сбылась. Но это будет через тридцать лет, а сейчас они прощаются у ее подъезда и все никак не могут проститься.

- Ну и вид, - встречает его отец, когда он переступает порог своей квартиры.

- Неужели пьяный? - говорит мать, и глаза у нее веселые и шальные. А он смотрит на них обалдело, потому что не только пьян, но и влюблен, и валится с ног от усталости, и растрепан, и ворот рубахи расстегнут, а кашне болтается где-то на спине, и напуган до смерти мыслью, что жизнь - мишура, и утешен мыслью, что жизнь полна смысла и гармонии, и растерян, так как не пришел к одной какой-нибудь единственной мысли.

Вот так мы встречали Новый год. Давным-давно.

Леван ЧЕЛИДЗЕ

Тбилисское «Динамо». Крайний слева - Гайоз Джеджелава. 1940

ЛУЧШИЙ СРЕДИ ЛУЧШИХ

*Моя душа бы пожелала,
да невозможно пожелать,
чтобы Гайоза Джеджелава
увидеть на поле опять.
Евг. Евтушенко*

«Гайоз, опять у тебя на правой туфле носок порвался», – сердилась мать. – «Это я о камень споткнулся».

Нина Давидовна Джеджелава не могла понять, почему рвалась именно правая, а секрет знал он один. Семья Джеджелава тогда жила на Бакинской улице. Гайоз после школы любил заглянуть на старый стадион «Динамо», что располагался рядом со зданием Тбилисского артиллерийского училища. По дороге домой от кинотеатра «Аполло» гнал по мостовой камень-кругляк или пустую консервную жестянку, обводил воображаемого «чужого» футболиста. После упрёка матери пустился на уловку – отработывал технику удара уже левой ногой, но правая, как первая любовь, осталась любимой.

Так будущий гроза вратарей, сам того не подозревая, закладывал основы виртуозной техники владения мячом. Потом он с улыбкой вспоминал эти рейды по краю улицы, свободной от пешеходов и машин.

За зданием школы был пятачок двора. Здесь Гайоз дневал и ночевал. Играл со сверстниками в футбол, обходил их самим же придуманными финтами. Как-то во время игры забил гол и услышал аплодисменты в окнах школы. Аплодировали девочки-одноклассницы, и громче

всех Тамара Гоголадзе. Не удивляйтесь, потом она стала его женой.

Старания Гайоза заметили не только девочки. Студента индустриального техникума, помощника машиниста паровоза, скоро пригласили играть за футбольную команду паровозного депо. Как часто бывает и стало банальным, перед встречей заболел игрок основного состава. Вот тогда вспомнили о Гайозе на трибуне, не пропуская ни одного матча. Вова Чанчалеишвили сказал: «Этот парень у нас на практике. Пусть сегодня сыграет». Сказано – сделано. Поставили Гайоза на правый край. Многого от него не ждали. Сказали, что надо только мешать соперникам свободно принимать мяч, больше от него не требуется. Девочки выиграли – 5:2. Три гола записал на свой счет Джеджелава. «Вот кто должен быть нашим капитаном», – сказал старший в команде и передал Гайозу свою капитанскую повязку.

В тот год в Тбилиси приехала сильная харьковская команда. На матч с ТСПО Гайозу предложили сыграть в объединенной команде кооператоров вместе с известными мастерами – братьями Чхатарашвили, Чередниченко, Вороновым, Гвиниашвили. Гайоз открыл счет, но во втором тайме защитник гостей нанес ему травму ноги. Встреча закончилась ничьей – 2:2. А потом, как полагается, был банкет. Пригласили и Гайоза, который был заметной фигурой на поле. Домой пришел поздно. «С группой занимался», – объяснил отцу. Утром Ваню Джеджелава протянул сыну газету «Муша»: «Читай!» В газете было на-

писано: «Молодой футболист Гайоз Джеджелава играл недолго, но сыграл хорошо. Думаем, из него выйдет хороший футболист». Гайоз понял, что отцу по душе успех старшего сына. Отец сказал тогда: «Играй, но не в ущерб учебе».

Футбол не стал помехой – Гайоз окончил Закавказский индустриальный институт имени С.М. Кирова, строительный факультет. Знания получил основательные, стал командиром производства, руководил предприятиями стройиндустрии. Но это потом, после завершения спортивной карьеры, а пока он душой на поле, играет в вузовской футбольной команде, сильнейшей в Закавказье, вместе с Борисом Пайчадзе, Гвачи Джорбенадзе, Како Каличава, Арчилем Кикнадзе, Леваном Гудушаури (двукратный чемпион СССР по боксу начинал путь в спорт футболистом!).

В 1936 году, в сезоне рождения большого отечественного футбола, произошло судьбоносное для Гайоза событие. На базе двух коллективов ТСПО и паровозного депо была создана новая команда – тбилисский «Локомотив». Его тренером стал Николай Ларионов, капитаном – Нестор Чхатарашвили. А кто это на правом крае? Конечно же, Гайоз Джеджелава!

От тбилисского «Локомотива» до сборной Грузии дистанция огромного размера, но только не для Джеджелава.

24 июля 1937 года он вышел играть в повторном матче тбилисского «Динамо» со сборной Басконии, в которой выступали футболисты мирового класса; они до этого триумфальным маршем прошли по стадионам Франции, Польши, Чехословакии. Семь футболистов - басков

Гайоз Джеджелава

входили в состав сборной Испании на чемпионате мира 1934 года в Италии, где они дошли до одной четвертой финала, уступив с минимальным счетом (0:1) в повторном матче хозяевам – чемпионам мира. Звание «Золотого канонира» было присуждено центрфорварду басков Исидро Лангара. В состав «идеальной сборной команды мира - 34» журналисты включили его партнеров – вратаря Замору, защитника Кинкочеса, полузащитника Силу-урена, нападающего Луиса Регейро. Последний в ранге капитана сборной Басконии прибыл в Советский Союз и, в частности, дважды играл в Тбилиси – против тбилисского «Динамо» и сборной Грузии. Рядом с Лангарой и Хосе Иррарагори в линии атаки, крайними нападающими Горстица и Ларионага.

Итоги тех исторических матчей до сих пор смакуют гурманы футбольных пиршеств.

В Испании тогда полыхала гражданская война, и футболисты - баски, собиравшие во время европейского турне средства на нужды республики, домой не возвратились, осели на постоянное жительство в Мексике. Тридцать лет спустя здесь, на очередном чемпионате мира, в гостиницу пришли старые знакомые старших представителей советской сборной – Лангара, Ауэдо, Алонсо, Ларионага, Бласко, Педро Регейро – одновременно. Легко узнаваемые, молодежавые, почти все уже деды. Луис Регейро отсутствовал по уважительной причине, он работал.

Вот с какими знаменитостями в тридцать седьмом пришлось скрестить оружие на футбольном поле новичку динамовцев Гайозу Джеджелава.

На левом фланге вместо Михаила Асламазова. Правого края играл Тенгиз Гавашели. Сказалось волнение новобранца команды, да и место было непривычное. Ничем особенным себя не проявил, разве что потешил публику на трибунах, когда пушечный удар Джеджелава по воротам Грегорио Бласко пришелся в фоторепортера. Фотоаппарат, конечно, вдребезги. После перерыва Гайоза заменили.

Игра дебютанта не осталась незамеченной, фактически открыла перед ним двери тбилисского «Динамо». Динамовцы годом раньше, в первом чемпионате СССР (весна 1936 г.) добились права выступать среди сильнейших в осеннем чемпионате, где были третьими.

В тридцать седьмом, вспоминал Борис Пайчадзе, на правом крае закрепился Гайоз Джеджелава. И дата известна – 12 октября. Через год самым результативным среди тбилисцев стал Пайчадзе – 14 голов, у Джеджелава – 7.

По итогам сезона впервые определялся список «55 лучших футболистов СССР». Молодой тбилисский форвард Джеджелава – первый среди правых крайних нападающих, опередил известных мастеров Василия Трофимова, Георгия Глазкова, Михаила Семичастного, Алексея Гринина.

Послушаем мнение о Г.Джеджелава «всезнайки» – энциклопедического справочника, выпущенного к 100-летию российского футбола: «Одна из наиболее ярких фигур довоенного советского футбола. Этого самобытного футболиста отличали взрывной рывок, прекрасная техника обводки с применением каскада финтов, искусный дриблинг. Джеджелава обладал ярким тактическим чутьем, умел мгновенно разобраться, когда нужно сразу сыграть в пас, а когда совершить рейд по флангу с последующей передачей в штрафную, отлично владел техникой ударом с лета».

При своем небольшом росте (161 см) поражал товарищей по команде.

С Василием Сталиным

С ветеранами-футболистами

Свидетельствует Гайоз. Пospорил на тренировке он с ребятами, что в прыжке достанет ногой мяч, подвешенный к перекладине ворот. Высота футбольных стоек 244 см. А играли тогда не мячами «Адидас» или «Танго», не теми, что сегодня забивает «Барселона» и «МЮ», а т.н. камера-оболочкой. Итак, спорим. Стал мальчуган на плечи центрального хавбека Бориса Фролова, самого рослого (185 см) тбилисского динамовца, и привязал шпагатом шнуровку мяча к верху ворот. Разбежался Гайоз, прыгнул вполсилы, конечно, не достал мяча. Ребята засмеялись. Пошел Гайоз на вторую попытку, уже всерьез. Сильный разбег, и носком бутсы коснулся мяча – посрамил скептиков.

В семье хранился этот удивительный кадр фотокорреспондента, то ли Тарасевича, то ли Джейранова.

Борис Пайчадзе вспоминал: «Непревзойденный мастер был Гайоз. На поле чувствовал себя как рыба в воде. Поразительная реакция, филигранная, доведенная до артистизма техника, изобретательность, отлично поставленный – да еще из любого положения – удар с обеих ног, характерные только для него похожие цирковые трюки, неожиданные финты – все это делало Гайоза грозой защитников и вратарей соперников».

Корифей отечественного футбола, отмечая достоинства друга и партнера по игре, приходил к выводу о его исключительности и незаменимости. Да и кто лучше Бориса Соломоновича знал Гайоза Ивановича!

Оба долгие годы составляли редкий тандем, создавая и определяя комбинационный стиль тбилисских динамовцев, атакующий порыв, сметающий все преграды. Их в тридцатые годы именовали «большими уругвайцами», а потом признали одной из самых популярных и сильных советских команд.

«С кем рядом я мечтал бы играть? – спрашивал себя Пайчадзе, названный по итогам опроса спортивных журналистов лучшим футболистом Грузии XX века, – в такой пятерке: Дзеджелави, Метревели, Пайчадзе, Гогоберидзе, Месхи».

Выдающийся тренер Андро Жордания вторил ему: «Из крайних нападающих хочу назвать Гайоза Дзеджелави, талантливейшего футболиста. До Славы Метревели не было ему равных на правом крае».

Еще один факт всенародного признания грузинского форварда. В 1940 году Г. Дзеджелави занял 9-е место в традиционной анкете газеты «Красный спорт» для выявления лучших спортсменов страны, стал первым грузинским спортсменом – лауреатом этого конкурса. В предвоенные годы редко можно было встретить имя футболиста в такой почетной компании – лауреатами опроса становились в основном легкоатлеты, боксеры, гимнасты, борцы.

Чего только не было в футбольных университетах Гайоза Ивановича, кавалера десяти правительственных наград, заслуженного мастера спорта СССР (1946), заслуженного деятеля физической культуры и спорта Грузии (1973). Слава лучшего правого крайнего нападающего футбольных сезонов 1938-1940 гг. Матч в составе тбилисского «Динамо» со сборной Сталинграда, фактически с местным «Трактором», 1943 года, когда футболисты пробирались на поле через руины города-героя. И годом позже – в Киеве с местными динамовцами. Участие в первых зарубежных турне тбилисцев в Иране (октябрь 1944) и Румынии (декабрь 1945), когда Гайоз в пяти матчах забил 8 голов, в т.ч. 5 в ворота бухарестского «Ювентуса».

В фантастическом по накалу тбилисском матче с армейцами Москвы 18 ноября 1939 года на финише чемпионата СССР решалась судьба серебряных медалей.

Нападающие ЦДКА С.Капелькин и П.Щербатенко буквально растерзали защиту «Динамо». Команды ушли на перерыв при катастрофическом для хозяев счете – 1:4. Но в раздевалке динамовцев не царил уныние. Пришло время по мнению старшего тренера Михаила Бутусова ввести в бой «секретное оружие» – английскую систему «дубль - ве», обогащенную частыми перемещениями нападающих. Пайчадзе еще в первом тайме забил, а во втором – вместе с Джемелав стал соавтором третьего и четвертого голов Аслана Харбедия. До этого отличился Михаил Бердзенишвили, подтвердив свою репутацию штатного пенальтиста команды. Пятый гол, победный, за пять минут до окончания матча в ворота Леонова провел Джемелав – фирменным ударом в полупадении – 5:4! Динамовцы победили и в двух последних матчах и, опередив на одно очко команду ЦДКА, впервые в истории клуба заняли почетное 2-е место.

В 1946 году Г. Джемелав на тренировочном сборе в Бакуриани, на лыжной трассе, повредил ногу и, несмотря на запрет врачей, поспешил вернуться в строй. Беспokoило колено, злополучный мениск, но после травмы лидера динамовцев Бориса Пайчадзе в разгаре сезона сорок седьмого года молодым игрокам требовался футболист, способный повести их за собой, передать свой опыт. Гайоз, пересиливая боль, выходил на игру. Эта боль не проходила с годами, как и хромота. Но поступить иначе он себе не позволил, оставался капитаном команды в 1947-1948 гг.

Сезон сорок восьмого подвел черту под спортивной биографией 32-летнего футболиста. Он снова лучший бомбардир клуба – 11 голов в 21 игре. За 11 лет за «Динамо» сыграно 136 матчей во всесоюзных чемпионатах, забито 59 голов и еще шесть в 15 кубковых встречах; еще два гола в 8 матчах чемпионата страны 1941 года, прерванного войной. Вместе с командой он дважды (1939, 1940) второй призер и дважды (1946, 1947) – третий.

Еще будучи действующим игроком, Гайоз начал тренерскую деятельность (в 1940 году он окончил тренерские курсы при Грузинском институте физкультуры), и десять лет проработал тренером. «Если меня спросят, – вспоминал ветеран, – какие годы после ухода из футбола были для меня самыми счастливыми, отвечу не колеблясь в бытность директором 35-й футбольной школы. Где занимались Михаил Месхи, Шота Яманидзе, Заур Калоев, Алеша и Сергей Котрикадзе». Добавим еще: Роберт Чанчалеишвили, Арчил Киладзе, Леван Жордания...

В 1949 году Василий Сталин пригласил Гайоза Джемелав на должность старшего тренера ВВС (Москва). Ошибаются те, кто считают летчиков командой-среднячком, созданный по капризу авиационных начальников, и, в первую очередь, ее шефа – командующего ВВС Московского военного округа генерал-лейтенанта Василия Сталина. Вряд ли среднячку было бы по силам занять 4-е место в чемпионате 1950 года. А летчики сумели, на финише два очка отделяли их от бронзового призера тбилисского «Динамо».

Гайоз Иванович помог становлению боевого клуба, подлинной грозы лидеров. Этому в немалой степени способствовал звездный набор игроков: Крижевский, Башашкин, Бобров, Шувалов... И два воспитанника грузинской школы футбола – младший брат тренера Спартак Джемелав и знаменитый вратарь Михаил Пираев, который после перехода в московский «Спартак», выиграл в его составе золотую медаль чемпиона страны 1953 года и серебряную – 1954-го.

Г. Джемелав вместе с Арчилом Кикнадзе руководил подготовкой сборной команды Грузии, которая на

Спартакиаде народов СССР (1956) завоевала почетное второе место, вслед за москвичами. В 1956-1957 гг. он – старший тренер «Динамо» (Тбилиси). В 70-х – заместитель председателя Федерации футбола Грузии.

В 1975 году Гайозу Джемелав исполнилось шестьдесят. И 45 лет спортивной деятельности.

Оба события были достойны внимания поклонников игры выдающегося грузинского футболиста, одного из ярчайших представителей первого поколения тбилисских динамовцев. Так считал я, а потому не отказался от статьи, предложенной журналистом, которого знал еще по учебе в 43-й школе.

Когда статья была опубликована, в редакции «Зари Востока» раздался телефонный звонок. Звонили из ЦК компартии Грузии и с нескрываемым раздражением спрашивали, кто разрешил писать о Гайозе Джемелав. Я объяснил звонившему, кстати, моему коллеге и однокурснику по университету, что необходимости специального разрешения на право публикации о выдающемся футболисте не видел и не вижу, отлично понимая, что тушу пожар бензином.

Гайоза Ивановича не стало 16 февраля 2005 года, на 90-м году жизни. Ушел еще один из «последних могикиан» грузинского спорта. Все было в его жизни: и крутые горки судьбы и наивысшие спортивные победы, и я вспоминаю старую историю, рассказанную им в редакционном кабинете.

Отец футболиста Ваню Джемелав до революции работал мотористом на карбасе, доставлявшем морем грузы для строительства дороги Батуми-Трабзон, и часто бывал в Турции. Дедушка и бабушка будущего футболиста по материнской линии – Григол и Сидония Мазманишвили жили в Карсе, а потом в Сарыкамыше. Они умерли и похоронены в Турции.

Когда Гайозу было два года, отец привез детям из Турции огромный желто-красный мяч. Первый в семье, который «подпрыгивал до неба». Когда Гайоз с братьями Джуаншером и Спартаком подросли, они играли в футбол и очень дорожили заморским подарком. Нина Давидовна считала, что именно этот первый мяч зажег в сердцах сыновей любовь к великой игре и положил начало футбольной династии Джемелав.

Этот мяч из детства еще в полете.

Арсен ЕРЕМЯН

Г. Джемелав. Дружеский шарж И. Соколова

С дочкой Этери

ЭТО ТРУДНОЕ ИСКУССТВО БЫТЬ ЗВЕЗДОЙ

Ламара Чкония с супругом Морисом Лекашвили

ГРУЗИЯ ЧЕСТВОВАЛА И ПОЗДРАВЛЯЛА С ЮБИЛЕЕМ ЛАМАРУ ЧКОНИЯ – ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНУЮ ОПЕРНУЮ ПЕВИЦУ, ВЕЛИКОЕ СОПРАНО XX ВЕКА. МОЖНО БЕЗ КОНЦА ПЕРЕЧИСЛЯТЬ ЕЕ МНОГОЧИСЛЕННЫЕ НАГРАДЫ, ТИТУЛЫ И ЗВАНИЯ – НАРОДНАЯ АРТИСТКА СССР, ЛУЧШАЯ МАДАМ БАТТЕРФЛЯЙ МИРА, ЛАУРЕАТ ПРЕСТИЖНЕЙШИХ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНКУРСОВ... ОНА ПРИ ЖИЗНИ СТАЛА ОБЛАДАТЕЛЬНИЦЕЙ ГЛАВНОГО ЗВАНИЯ ДЛЯ АРТИСТКИ – ЛЕГЕНДА, А ЗНАЧИТ, ОНА УЖЕ ШАГНУЛА В ИСТОРИЮ. ДОЧЕРИ ПЕВИЦЫ ЭТЕРИ ЛАМОРИС И НАТАЛИ НИКОЛЕ БЛИСТАТЕЛЬНО ПРОДОЛЖАЮТ МУЗЫКАЛЬНУЮ ТРАДИЦИЮ СЕМЬИ. С ЖУРНАЛОМ «РУССКИЙ КЛУБ» СОГЛАСИЛАСЬ ПОБЕСЕДОВАТЬ «ВИОЛЕТТА ХХІ ВЕКА», «ЖЕМЧУЖИНА МИРОВОЙ ОПЕРЫ», «ОДИН ИЗ ДЕСЯТИ ЛУЧШИХ ГОЛОСОВ МИРА» ЭТЕРИ ЛАМОРИС.

- Когда мы с вами договаривались о встрече у станции метро в центре города, вы сказали, что с трудом ориентируетесь в городе...

- Это неудивительно. Я уехала из Грузии двадцать лет назад. Это было после 9 апреля во время войны. Я уезжала не из-за тяжелого положения, не из-за того, что есть было нечего... Серьезного недостатка в чем-либо наша семья не испытывала. Я уехала потому, что почувствовала – здесь очень мало возможностей для оперной певицы. Один-единственный оперный театр...

- Мало возможностей для профессионального роста?

- Да. Но постоянная работа в одном театре – не очень хорошо вообще. Меня приняли в театр, когда я была еще студенткой. И как приняли? Я прошла на «ура». Не было никаких ограничений – мне дали все возможности как певице. Просто сама атмосфера, когда ты варишься в собственном соку – одни и те же люди, певцы, которые борются за свое место... И постоянные интриги, а в одном театре всегда интриг больше в сто раз, чем в разных театрах. Когда ты свободный певец, ты приезжаешь-уезжаешь, ты приглашен, тебе не до интриг, тебя это не касается. Я это знаю и на примере моей сестры – она 20 лет

проработала в Австрии, Граце, в одном и том же театре, и там тоже была мышинная возня по самым мелким поводам.... И я еще раз убедилась - судьба распорядилась правильно, что я стала свободной певицей.

- Значит, ваш выход на мировые площадки был для вас счастливым во всех смыслах – и в человеческом, и в профессиональном...

- Во всех смыслах. Это свобода, свободный выбор, ты не жертва одной дирекции... Ты зависишь не от конкретного директора или художественного руководителя, которым ты можешь не понравиться, у которых есть жены и любовницы, к примеру... И если тебе некуда деться, твоя карьера под угрозой.

- А свободный певец зависит только от своего желания и своего таланта?

- Вообще-то, не совсем так. Просто я об этом не знала. Там идет другая борьба – между менеджерами. И тебя это обязательно коснется. Но все-таки это борьба на другом уровне и по другим вопросам. А у тебя всегда остается возможность пробовать себя в разных театрах. И если у тебя есть талант, школа и свобода, ты так или иначе не пропадешь.

Ламара Чкония

- Невольно хочется провести параллель с судьбой Ламары Чкония. Наверное, мама не имела таких возможностей в свое время – самой выбирать где петь и выступать на самых разных мировых площадках. Хотя о ней и писали, что она была первой советской вокалисткой, преодолевшей железный занавес, но в ее судьбе было два театра – тбилисский и киевский.

- Так они с отцом и покинули Тбилиси именно потому, что она стала жертвой, заложницей ситуации одного театра. Меня удивляет, когда я читаю формулировки: грузинский народ не оценил ее талант, выжил из театра, вынудил уехать из Грузии...

- Очень удобная формулировка – все валить на народ...

- Это история нашей семьи, о которой в Грузии некоторые не очень любят говорить, потому что это маленькая страна, родо-племенные отношения очень сильны, все друг друга знают, все друг с другом связаны... Кто-то обижается, но это правда. А правда – упрямая вещь. Так и было, что Ламару Чкония в театре всячески притесняли. И мой отец, Морис Лекашвили, помог ей освободиться – они вместе написали заявления об уходе, и он сагитировал ее попробоваться в Киевский театр. Это знаменитая история. Отца сразу же приняли в труппу на ведущие партии. Но когда выяснилось, что надо прослушать еще и супругу, раздалась ставшая крылатой фраза: «С «хвостом» не принимаем». Мама так расплакалась, что ее согласились прослушать, для чего даже была прервана генеральная репетиция. Прослушивание превратилось в сольный концерт. И она попала в труппу Киевского оперного театра. Кстати, директор театра Виктор Гонтарь не выдержал, все-таки позвонил в дирекцию Тбилисского театра и спросил, действительно ли они отпустили Ламару Чкония. Услышав утвердительный ответ, он сказал: «Большое вам за это спасибо!»

- Стал ли тот отъезд из Грузии травмой для Ламары Григорьевны? Или это перевернутая страница?

- Это история ее жизни, которую она, кстати, описала в книге «На волнах жизни». В Украине эта книга была издана на русском языке. Согласитесь, все жизненные противоречия влияют на нас не только отрицательно, но и положительно. И боль, трудности дали ей возможность вырасти, развиваться, разозлиться, в конце концов, и добиться своего. Некоторые люди поняли ее книгу однобоко. А ведь главное в том, что она никого не обличает и не обвиняет – повторяю, это просто история ее жизни, ведь мама, в принципе, очень счастлива и довольна своей судьбой. Все, что произошло, произошло во имя ее будущего. Поэтому мы все должны быть благодарны своим врагам.

- Вам тоже есть кого благодарить?

- Мне тоже, да... Благодарю тех, кто мешал, тех, с кем надо было конкурировать. И хотя я все равно называю это мышинной возней, для роста это полезно.

- Помимо врагов, слава богу, вам есть кого благодарить... Очень показательно, что ваш сценический псевдоним вы составили из имен родителей. Да и то, что вашим предком был Нико Пиросмани, наверное, тоже накладывало особый отпечаток... Расскажите, какая атмосфера царил в вашей семье?

- Чисто театральная. Для нас с сестрой с детства привычным, домашним был запах сцены и театра. А еще у нас в доме стоял запах масел, красок – к нам беспрерывно ходили разные художники рисовать маму. Мама постоянно позировала. А я сидела рядом с ней и тоже пыталась ее рисовать. У меня очень неплохо получалось, и если бы мне дали такую возможность, я бы стала художником. Но у моих родителей была идея фикс, чтобы

я пела. Меня заставляли петь с трехлетнего возраста, транспонировать вверх-вниз, уже тогда я могла спеть на тон выше или ниже...

- С удовольствием пели?

- Вам, наверное, тоже знакомо - когда тебя заставляют, это вызывает протест. Я это очень хорошо вижу, например, сейчас по моему сыну. И я его не заставляю, стараюсь, чтобы он свободно рос, а я наблюдаю, чего ему реально хочется. А мою судьбу решили и меня даже

Этери Ламорис

не спросили.

- А ваш папа тоже хотел, чтобы вы пели? Он же танцовщик...

- Именно папа больше и хотел! И хотя он танцор, а все дети танцы любят больше, чем пение, он всегда говорил, что танец – это ужасная, адская профессия, особенно для женщин, и он ни за что не согласится, чтобы я танцевала. И к тому же он всегда был влюблен в оперу. У него нет слуха, но я с детства помню, как он постоянно распевал арии. Пел ужасно, но всегда и с удовольствием (Смеется).

- Неужели танцовщик может обойтись без слуха?

- Может.

- Что еще вам вспоминается?

- Концертные платья мамы. Помню, я стою и наблюдаю, как она одевается, красится... Я очень ею восхищалась. Для меня она мамой не была – в хорошем смысле, конечно. Это было какое-то отдельное, неземное существо. Родной, близкий человек, но не мама, а театральное божество. А мой папа сыграл для меня роль мамы. Иначе как можно вообще растить детей? А у нас мама постоянно на гастролях, то она интервью дает, то платья себе шьет, то позирует художникам. Она была такой популярной, что именно тогда родилась шутка – если включишь утюг, оттуда запоет Чкония. В такой ситуации, если второй родитель не будет заниматься детьми, то...

- Как у вашего отца хватало на это времени и сил? Он пожертвовал своей карьерой?

- Не то чтобы пожертвовал... Я часто спрашивала его об этом, мне самой было интересно, была ли это жертва. Вахтанг Чабукиани предсказывал ему большое будущее. Папа был очень красивым и обаятельным, у него была масса поклонниц, которые постоянно ждали его после спектакля. И в Киеве это продолжалось. Он был реальной звездой. Но мне кажется, что он просто сам не захотел продолжать свою карьеру. Он предпочел настоящее семейное счастье и возможность жить со звездой, отка-

завшись от своей звездности. Тем более что быть звездой очень трудно...

- А в чем трудности?

- Постоянное внимание, постоянное. И, главное, это очень большая ответственность. От тебя требуют все больше и больше. И чем известнее твое имя, тем требования выше, и ответственности больше.

- То есть папа предпочел жить не звездой...

- Конечно, его огромная любовь к своей жене сыграла важную роль. Но мне кажется, это мое личное наблюдение, он просто очень любит саму жизнь и те удовольствия, которые может давать жизнь. Хотя ухаживать за женой и детьми – это нелегкий труд. И сейчас мне кажется, что на его месте я бы сделала такой же выбор. Вот вы сравнили, что Ламара работала в одной стране, а я свободная певица. Но я думаю, что трудностей и стрессов и у нее, и у меня было много. И неизвестно, у кого больше...

- Какой самый главный урок преподали вам родители?

- Мама всегда была примером. Мне очень помогает история ее жизни. В трудные минуты, когда мне хочется все бросить и жить своей жизнью, передо мной встает ее пример – не как вокалистки, певицы, а как человека, который умел закрывать глаза на мелочи, делать свое дело, ни на что не отвлекаться и в итоге выстоять в борьбе. Для нее не существовало препятствий – она всегда считала, если ты чего-то хочешь, ты это сделаешь. Просто надо сильно захотеть. И я не помню, чтобы она не достигла чего-то, чего ей хотелось.

- А сейчас, когда у вас самой такое яркое имя и на вашем счету столько больших побед, она продолжает давать вам какие-то уроки? Или обучение закончилось?

- Вообще, жить вместе с родителями не очень легко. Особенно с такими, как у меня. У них обоих – очень сильные характеры. Мою сестру они видят меньше, потому что у нее своя жизнь в Австрии. А мы жили вместе в Мадриде – я их увезла к себе в Испанию. В короткие промежутки, когда я возвращалась ненадолго с гастролей, мама меня всегда умудрялась учить, как петь. Хотя я уже и сама к тому времени могла давать уроки... И для меня всегда более важным был ее пример, как поступать, а не как петь.

- В вашей биографии что ни страница – фейерверк. Глядя со стороны, трудно выделить что-то самое-самое. Какие эпизоды являются самыми важными для вас?

- Вы сейчас сказали то, что я сама могла бы сказать о себе. Все события смешались, соединились, и мне трудно выделить что-то. Наверное, потому, что счастье не в рукоплесканиях и не в цветах... У меня все началось очень ярко сразу же. Первая страна, в которую я попала и осталась в ней – Испания. Первый мой спектакль был с выдающимися Луисом Лимой и Дениз Грейвз. И пошло, и пошло – одно имя громче другого.

- Ваши девять международных премий, и семь из них – первые ...

- Эти премии с самого начала меня котировали и сразу помогли занять свое место. Конечно, нельзя сказать, что у меня все было безоблачно. Все равно всегда борьба и сложности.

- С кем работалось легче и интереснее?

- С дирижерами у меня никогда не было проблем. Правда, я никогда не пела с Риккардо Мути, про него говорят, что он очень сложный и ставит много ограничений перед певцами. От партнеров зависишь меньше, чем от дирижера. Но если партнер сумасшедший или глупый, то, конечно, это мешает.

- Как не хочется верить, что хороший оперный певец может быть глупым.

- Как раз в оперном мире, особенно среди мужчин, это часто встречается. Я даже думаю, что они как раз и могут брать такие сумасшедшие высокие ноты, что сами немного в своем роде сходят с ума (*Смеется*). Я вам приведу пример. Есть один, не назову имени, известный певец, который во время спектакля так увлекся своими личными эмоциями, что повредил мне ногу. Помните третий акт «Травиаты», сцену ревности? Партнер развернул меня так, что я просто грохнулась... А я его неоднократно просила помнить, что это не настоящая жизнь, а театр, и здесь нельзя забываться. А вот, например, с Пласидо Доминго было очень легко и приятно. Он не просто талантливейший, он еще и умный певец.

- То, что вы дочка легендарной певицы, помогало или мешало?

- Всегда мешало.

- Сравнивали?

- То, что я выехала из Грузии, мне помогло доказать себе самой и остальным, что я не просто дочка, а певица сама по себе. Хотя в Грузии все равно ничего никому не докажешь. Здесь если говорят о маме – надо сравнить с дочкой, если о дочке – обязательно сравнить с мамой. Это моя карма. Вначале это умиляло, потом становилось все более неприятным... Особенно когда я пела так, как, например, арию Виолетты при поступлении в Тбилисский оперный театр. Певец, конечно, может оценить себя сам, и я знаю, что это, наверное, было одно из моих звездных, невероятных выступлений. Не обязательно идти всегда вместе, как сиамские близнецы. У мамы своя судьба и дорога, у меня – своя. Моя любовь к маме пересилила мое раздражение, я не хочу мелочиться. А если кому-то очень хочется нас сравнивать, то лучше делать это профессионально и слушать наши записи одних и тех же произведений. Только в этом случае можно обоснованно сказать, чем мы отличаемся друг от друга. У нас тембрально похожие голоса, но все же мы разные. У нее были небесные пиано, пианиссимо, у меня – больше эмоциональности и темперамента.

- Вы сказали, что счастье не в рукоплесканиях и цветах. Что является показателем успеха и какое значение он имеет для вас?

- Я очень рано начала петь, очень рано выехала из родной страны, рано познала жизнь. Можно сказать, что молодость моя прошла в работе и борьбе. Очень часто мне казалось, что я работаю, делаю свое дело, а настоящая жизнь идет параллельно. А вот сейчас я наконец-то сделала свой свободный выбор. Я остановила свою активную оперную карьеру и занимаюсь только концертной деятельностью - это не требует постоянных перелетов, двух-, трехмесячных отлучек, пребывания в чужих, пустых отелях. Раньше мне все чаще начинало казаться, что я – как лошадь на ипподроме, где идут страшные бесконечные скачки, и ничего своего у тебя нет. Зачастую я просыпалась ночью в каком-то отеле, и не сразу понимала, где я нахожусь. Конечно, искусство требует жертв, но не таких. Я поняла, что в борьбе проходит жизнь, а мое личное счастье остается где-то далеко – счастье материнства, которое очень важно. Звезды смотрят на него как на что-то несущественное и только со временем понимают, что их время прошло, и они остались в одиночестве. Мне кажется, что я только сейчас начинаю познавать радость материнства. Я родила мою старшую дочку, когда сама была очень молода – в 19 лет, ей меня очень не хватало. А сейчас, благодаря моему сыну, которому два с половиной года, я словно родилась заново, и

не только получаю семейное тепло, но и отдаю то, чего когда-то не дала дочке.

- Вы были художественным руководителем юбилейного концерта Ламары Чкония, который триумфально прошел в Батуми....

- Сперва мы справили юбилей в Киеве... Я, пожалуй, открыла свое второе призвание. Эти два концерта не были первыми для меня в профессиональном плане. Я сделала 15 гала-конcertов в Украине, несколько – в Испании как продюсер и художественный руководитель международного проекта «Opera Stars Concerts», представляя испанскую продюсерскую компанию «Инкоцентр» в странах СНГ и Восточной Европы. В этом амплуа я нашла себя – себя

Этери Ламорис в ролях

настоящую, а не ту, которой меня когда-то заставили стать.

- Что значили юбилейные торжества для Ламары Григорьевны?

- Вы знаете, для меня они, наверное, значили больше. Вообще, всю эту историю затеяла я – и в Киеве, и здесь. Мне было очень не по себе оттого, что великая певица дожила до своих лет, и ей ни разу не справили юбилей. А кому их только не справляют! Я понимала, если не я – ничего не будет. Я посчитала это своим долгом. Я сделала то, что хотела, что было в моих силах, потому что юбилейный концерт – это только небольшая часть того, чего Ламара Чкония действительно заслуживает.

- Спасибо вам, и мы просим вас от имени всего «Русского клуба» передать Ламаре Григорьевне наше неизменное восхищение, почтение и самые лучшие, самые теплые пожелания здоровья и благополучия!

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

ПОДАРОК ДЛЯ ДУШИ

11 сентября, в День усекновения главы апостола Иоанна, торжественно открылся Центр духовного и интеллектуального развития молодежи при Грузинской Патриархии. 19 сентября возобновились занятия.

Открыл торжество Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II. Среди многочисленных гостей - члены Священного Синода, представители власти и деятели культуры. Этого события грузинская общественность ждала давно. Конференц-зал на пять тысяч мест, расположенный в здании кафедрального собора Святой Троицы в Тбилиси – вновь открыл свои двери для учащихся молодежного центра.

Центр был основан 10 лет назад в здании кафедрального собора Святой Троицы. Но последние пять лет, из-за просчетов в строительстве, проведение занятий стало невозможным.

По благословению Католикоса-Патриарха, деканоз Георгий Харазишвили возглавил восстановительные работы. Не покладая рук трудились строители, и вот уже к Пасхе была обновлена большая часть территории. К сентябрю было отреставрировано еще 7 тысяч кв.м помещений, в том числе полностью восстановлен конференц-зал.

На открытии центра состоялась презентация журнала «Уплис цихе» («Крепость Божья»). Он будет издаваться дважды в год и посвящен духовным, культурным и общественным вопросам. В своем приветствии Святейший отметил:

«В первую очередь, я благодарю организатора этих масштабных работ и всех, кто принимал участие в восстановлении этого здания. Да благословит их Бог! Я рад, что в день открытия состоится и презентация журнала».

За восстановительными работами ежедневно наблюдал руководитель Центра, деканоз Георгий Харазишвили. Его роль в создании и восстановлении центра – велика. Сколько сил и чувств вложено в этот проект – не сосчитать. Отец Георгий Харазишвили: «Мне кажется, построить этот зал было проще, чем отреставрировать. К сожалению, допущенные при строительстве многочисленные ошибки и неточности вызвали множество проблем. Все это привело к прекращению занятий. Много важных мероприятий из-за этого было отложено. В восстановление молодежного центра вложено много сил и труда. Я благодарю Святейшего за поддержку! И всех, кто своей помощью приблизил завершение этого благого дела. Патриарх благословил спонсора строительства, без финансовой поддержки которого это дело было бы невозможно».

Как отметил отец Георгий, есть не много мест, где молодежь может собираться и обсуждать свои проблемы, дискутировать, обмениваться мнениями. В молодежном центре ежегодно реализуется немало проектов. Сотни грузинских школьников и студентов принимают участие в конкурсах, конференциях, семинарах, фестивалях, выставках, симпозиумах, литературных вечерах. Вот только некоторые из них: интеллектуальный конкурс «Мы учим Библию», детский фестиваль книги, который пройдет в третий раз, научная конференция, посвященная кафедральному собору Светицховели, научно-практическая конференция «Вера в нашей жизни», выставка современных грузинских художников.

По единодушному мнению гостей презентации – открытие центра - настоящий подарок для молодежи, и для всей страны в целом!

Нино ДЖАВАХЕЛИ

Католикос-Патриарх Илия II

На открытии Молодежного центра

Отец Георгий Харазишвили

Иван Новиков

ДЫХАНЬЕ ВОЗДУХА И СВЕТА

В начале 1942 года прозаик, поэт, драматург Иван Алексеевич Новиков (1877-1959), более всего к тому времени известный как автор дилогии «Пушкин в изгнании», но начавший творческую деятельность еще на заре XX века, в русле символистского искусства, был эвакуирован в Тбилиси, где провел более полгода. Итогом его пребывания на грузинской земле стала книга стихов и переводов «Тбилиси». (Иван Новиков. Изд-во «Заря Востока» Тб., 1944) Возможно потому, что была издана во время войны, она не получила должных откликов в грузинской периодике тех лет. И, может быть, потому, что была создана вдали от «центра», Новиков смог высказаться в ней откровеннее, чем он привык это делать в официальной сфере своей деятельности, в которой предстал как мэтр советской литературы. Мы имеем в виду тот религиозный подтекст, который прочитывается в некоторых стихотворениях. Поэтому и можно говорить, что творческая индивидуальность поэта раскрылась в книге с наибольшей допустимой в то время полнотой!

Книга состоит из трех частей – оригинальные стихотворения, посвященные главным образом столице Грузии Тбилиси и давшие название всей книге, переводы классиков грузинской поэзии и современных грузинских поэтов.

Основная интонация книги – благодарность земле, приютившей поэта, восхищение ее щедростью, красотой и теми людьми, что одарили ее дружбой. Первые среди них – Пушкин и Грибоедов. Кстати, и переводы, сделанные Новиковым, который не считал себя профессиональным переводчиком, – это дань признательности Грузии, которую он мог выразить, дав почувствовать красоту грузинской речи на русском языке. Поэтому особое место в книге занимают стихи, связанные с восприятием чужого языка, с пониманием вклада грузинских поэтов в сокровищницу мировой поэзии. Новиков вплетает грузинские слова в свою поэтическую речь, добываясь этим особого, колоритного звучания стиха. Особенно пронзительно звучит последнее стихотворение тбилисского

цикла, написанное в июле 1942 года, - «На прощанье». Рисуя контрасты севера и юга, найдя такую точную деталь, как разное расположение месяца на небосклоне («у нас как парус», «здесь легкою ладьей лежит»), поэт обещает сохранить в памяти и «домов над ярусом нависший ярус», и зимние цветы, и шершавых осликов, и курдянку в расписной одежде (здесь обращает на себя внимание удачно обыгранное близких по звучанию корней – «курдка в куртке»). И это ему сделать нетрудно, т.к. все время пребывания в Грузии сквозь окружающие предметы просвечивали знакомые очертания покинутого в России: подснежник пах черемухой, налетал русский ветерок, давала о себе знать война (ласточка напоминали беженцев...). Но и он успел стать родным для людей, живущих вдалеке от войны: недаром «малютка швилишвили однажды баба (дедушка - М.М.) его назвал», о чем он вспоминает с благоговением.

Существование в двуязычной атмосфере сделало плодотворной переводческую деятельность Новикова (до этого он с подстрочника перевел бурятский эпос, чешскую поэзию, создал переложение «Слова о полку Игореве»). На значимость для него работы переводчика поэт указал в стихотворении «Источник». Собственно и название стихотворения по-своему двояко: это и природный родник, и первоисточник, с которого осуществляется перевод. Неразрывную связь природного и творческого Новиков передает через общность брызг источника, которые, достигнув листа бумаги, превращаются в слезы

поэта, появляющиеся потому, что работа переводчика необычайно трудна и ответственна. Но незнание языка – не препятствие. Главное для стихотворца – ритм. Он-то и оказывается в состоянии передать «жалобы, стоны иль зовы», которые улавливает поэт в «невнятном подстрочнике».

В книге предчувствие изменений, возрождения, которое сквозит в природе, улавливается поэтом в каждом признаке приближающейся весны, радуется в расцветающем буйстве лета. Недаром каждое стихотворение имеет календарную датировку. Автору важно не само число, а именно месяц, что соотносится с природным циклом, неумолимо свершающим свой ход. И эта неумолимость движения вперед – залог грядущей победы над врагом, мысль о которой, естественно, присутствует во многих стихах. Пробуждение в природе отзывается пробуждением во всем существе поэта («Южная весна»). Недаром так много стихов приходится именно на июнь. Как набухают на дереве почки, так «набухают пальцы музыкою» стиха, которая спешит излиться на листы бумаги с тем, чтобы уже там возник «цветок» стиха. Весна и порыв вдохновения заставляют молодеть поэта, который, как старое дерево, ощущает прилив бодрости и силы – «трепет бытия и радости подъем».

Стихотворение, открывающее книгу, – «Старый Давид», призвано укрепить дух народа в предстоящей борьбе с врагом, образ которого воплощен в снежных метафорах бури, пурги. Врага должно сломить единство братьев по духу – Грибоедова, Пушкина, Пшавелы, Церетели, Чавчавадзе, которые, как и статуя Давида, возвышаются над ледяными вершинами и способны противостоять непогоде. В то же время сам Давид – порождение природной стихии: он стоит «скалы нахмурия, ущелья сощуря». Общий колорит этого стихотворения – непреклонная суровость и мощь, с которой надо противостоять врагу. Мощь другого рода прозревается поэтом в просторах родной земли, к которой он обращается с призывом-заклинанием: «... бессмертная, ты не умрешь, // И опять вся от края до края – // Навсегда – зацветешь, запоешь!». («Родное»).

Все стихотворения цикла создавались в 1942 году. Это своего рода интимный дневник переживаний поэта. Естественно, что его мысли устремлены на север, туда, где остались его родные места и где в январе, он знает, всегда «обнаженная земля». Но теперь к ней добавились «обоженные поля» и «вытопанные луга». Надежды на исцеление нет, но его взгляд падает на дерево за окном («У окна») – и появляется вера, что избавление придет. Концовка стихотворения звучит заклинанием: «Воскреснешь ты, моя земля!» Очень характерно, что Новиков пишет о воскресении. Его религиозное сознание мыслило освобождение родины именно в таких категориях. Постоянное обращение к природе диктует уверенность в неистребимости и благотворности изменений. Неумолимость и естественность хода вещей подтверждают такие строки, в которых важен не только момент возрождения после смерти, но и обязательность фазы угасания, исчезновения, небытия («жатва», «созревание»), которая, однако, сулит пробуждение:

Так саду суждено, дозрев,
Весною ранней вновь томиться,
Так в жатве новый скрыт посев,
Так миру быть и не избыться.

(«Похвала жадности»)

Именно этот круговорот природы позволяет ему соединить концы и начала, в старости прозревать младенчество. Собственно, об этом и говорится в стихотворении «Вечернее детство», где вечер сравнивается с ребенком, поскольку он тоже ежедневно «рождается». В этом стихотворении в плане развития образа вечер-ребенок шокирующе неожиданно сравнение красок заката с застывшими небосвод застиранными пеленками, которые были когда-то розовыми, а теперь приобрели палевый цвет. Сравнение же заката с декадентом, изощряющимся в подборе красок, служит напоминанием о прошлых увлечениях поэта.

Наиболее частый прием Новикова – прямое уподобление человека природному миру – используется и здесь. Причем нередко поэт находит неожиданные, «физиологические» аналогии и соответствия: так, рисунок ветвей дерева напоминает ему «узор веток-извилил под костью надлобной». Это сходство призвано воплотить общность всех проявлений жизни, показать нерастормимость мира, вечно изменяющегося и в то же время остающегося единым. Мысль о великом единении и нерушимом содружестве человека и природы пронизывает «Грузинскую сказочку», в которой помощниками и гостями старухи становятся и птицы, и звери.

Но еще важнее Новикову увидеть единство мироздания в целом. Поэтому небесная сфера у него становится водной гладью или лугом, по которому плывет ладья жизни человека («Ночью»), а сам человек – тот же «таинственный облак», что и серебристое облачко на небосклоне. Это дублирование человеческой жизни в небесном устройстве указывает на общие законы, которым подчинено в этом мире все. И лук Дианы-луны устремляет на землю свои стрелы-лучи, которые человека объединяют со всей вселенной. В этом стихотворении встречаются строки, к которым можно было бы отнести возмущенную реплику В.Соловьева. Известно, что в свое время его негодование вызвали строки В.Брюсова «Всходит месяц обнаженный при лазоревой луне». У Новикова тоже на небосводе одновременно присутствуют и луна, и месяц («Луна – как Диана божественна, // И месяц двурогий, как лук...»), но это не брюсовский эпатаж, а совмещение в космосе всех природных начал. Причем их сопричастие рождает не хаос, а гармонию, гармонию тех «заветных чувств», что так дороги поэту: «где радость похожа на грусть». То же взаимное отражение-дополнение двух сфер находим мы в стихотворении «Родное»: «Звезды смотрятся в очи-озера, // Где плывут облаков паруса». А васильки – это затерявшиеся во ржи «кусочки неба».

Движение, изменение – неумолимый закон природы. Этому закону подчиняется все сущее. Поэтому, по Новикову, и исторический процесс не может застыть. На смену одной его фазе неизбежно придет другая. Поэт воспекает энергию движения («Две инерции»), которая, на его взгляд, способна менять «лицо вселенной». Стихотворение заканчивается лозунгом-призывом, обращенном к самому «порыву» движения: «творить» бессмертия «смертного мира». В последнем утверждении для Новикова нет противоречия. Для него как для христианина не существует смерти как конечности бытия. Его душа будет пребывать вечно. Как гимн движению воспринимается и стихотворение «Казбек и Терек», в котором поэту в Казбеке видится гетевская спокойная мудрость, а в Тереке он улавливает байроновское неистовство, которому отдает предпочтение.

Но все же он не столько в христианском, сколько в

пантеистическом духе мыслит растворение жизни в «дыханьи воздуха, и света, и тепла» («Смерть узка»). Однако в цитируемом стихотворении на самом деле речь идет не о душе, как могло показаться поначалу, а о поэтическом наследии художника. Поэт мечтает об «участи желанной» для своего стиха: «дышать в дыханье мировом», не «затеряться в голубизне пространной», не уснуть мертвым сном. Перед нами своеобразное завещание поэта, о чем говорит и перекичка с пушкинским «Памятником» (использовано пушкинское словосочетание «подлунный мир»; впрочем, пушкинских реминисценций найдется немало во всем цикле), и обращение к атмосфере лермонтовского «Выхожу один я на дорогу ...» (думается, отсюда привлечение «атрибутов» космического пространства «пространная голубизна», «мировое дыхание»).

Помимо классических, Новиков опирается и на иные поэтические традиции. Так, традиция русского романса наглядно прочитывается в стихотворении «Звезда», в котором звезда становится духовным ориентиром всей жизни поэта, а заканчивается стихотворение клятвой верности «чистому дыханию» небес и «прохладной» звезде. Прикосновение к грузинской средневековой оде чувствуется в стихотворении «На чтении «Абдул-Мессии», которое становится идейной кульминацией книги. О себе, присутствующем на чтении одической поэмы, созданной выдающимся грузинским поэтом XII-XIII вв. Шавтели, Новиков говорит в третьем лице: он «русский певец», «задумчивый гость», внимающий «пестрому узору звукового наряда» древнего стиха, ловящий «звуков виноградную гроздь». Вероятно, здесь присутствует сознательная перекичка с теми местами оды, где преподобный Иоанн Шавтели именует себя самого «странником» и «рабом Христовым».

В этом стихотворении совместились чувство признательности и восторга от прикосновения к иной культуре, которую он готов признать своей, поскольку он провидит много общего в ее истоках («Здесь, вижу, – Тамара, у нас

– Ярославна»). И этим общим является, в первую очередь, христианское начало обоих народов, ведь неслучайно выбран торжественный момент внимания строфам именно этой поэмы, в которой воспет образ христианина, верного канонам Святой Православной Церкви. Для знающих грузинскую средневековую поэзию богословская значительность «Абдул-Мессии» особенно очевидна в тех строфах, в которых поэт возносит молитвы во Имя Пресвятой Троицы, благодарит Творца-Вседержителя и Благого Промыслителя, даровавшего людям спасение во Христе. Обратившись к творчеству грузинского поэта, Новиков имеет возможность упомянуть о Троице, сославшись на встречающееся у Шавтели сравнение царицы Тамары с Троицей. И конечно, именно эти строки имеет в виду поэт, когда пишет о тех местах поэмы, что несут «потoki взволнованной мысли», в которых становится очевидна «подземная суть» происходящих событий. А ядро событий – битва с поработителями родной земли. Недаром «задумчивый гость», прибыв в Тбилиси через Византию, ищет «повсюду Буй-Тура». Этот христианско-патриотический пафос стихотворения становится еще более очевиден для тех, для кого имя Шавтели ассоциируется еще и с «Песнопениями Вардзийской Богоматери», которые он создал и в которых раскрывается значение исторической Басианской битвы (1204). Она запомнилась грузинам тем, что их народное ополчение разбило четырехсоттысячную армию мусульман во главе с султаном Рукн-эд-дином, благодаря чему Грузия сохранила свою независимость и осталась оплотом Православия. Так же как оплотом Православия оставалась севернее Святая Русь.

Так в одном стихотворении соединились важнейшие элементы поэтики Новикова: христианское, природное (что особенно ощутимо в сравнениях и метафорах) и патриотические начала. И эти начала являются основополагающими и для всей его замечательной книги о прекрасной грузинской земле.

Мария МИХАЙЛОВА

ИВАН НОВИКОВ СТИХОТВОРЕНИЯ

ПОЭТАМ ГРУЗИИ

Поэты Грузии – Куры журчанью
Сродни, и ветру, щебету листвы.
Давно уже знакомы по названью,
Но лишь теперь мне приоткрылись вы.

И, мнится, я дыханье различаю
Особое – вот тут, и чуть иное здесь;
Стакан вина, с лимоном чашка чаю,
Ищу я слов, прислушиваясь весь.

Мы с музой вместе в горы поднялися
От яблони родной, но, бытие здесь для,
Отраднo мне с поэтами Тбилиси
Вдруг процвести и веткой миндаля.

Я вновь Москву увижу не на карте,
«Мшвидобит» вам скажу, иль русское «прости»
Пока же здесь, дышу дыханьем Картли,
Дабы ваш стих до русских донести.

Апрель 1942 г.

ЭКСПРОМТ

Грузинки – как быстро седеют,
И к ним седина – как идет:
Цветы на столе хорошеют,
Когда за окошками лед.

И как на весну все похоже:
Ведь декоративна зима,
Коль яркий румянец под кожей
И с розой ты схожа сама.

Июнь 1942 г.

У ГРИБОЕДОВА

Кипарис у чугунной решетки,
Церковь древняя в сером плаще,
Щебетанье пичуги залетной,
Солнца луч на могильном плюще.

Здесь века приютили как сына –
Кто умел и любить, и страдать,
Не умея давать вполонину,
Но умея все сразу отдать.

Июнь 1942 г.

РАЗЛУКА С ТБИЛИСИ (Старинная весенняя)

Не Севилья, не Гренада,
Но в мерцании лучей
Мне Тбилиси был отрада
И услада для очей.

Нет, милей на свете вида
Не создал, как видно, бог,
Здесь рассыпав для Давида
Из огней ковер у ног.

Я помню: все выси
Луною зажглись,
И светлый Тбилиси
Сам – горная высь.

Не Гренада, не Севилья
Те кавказские края,
Но запомнил эту боль я,
В глуби сердца затая.

В ночь, как на небе стожары
Пораскинули шатры,
Слышал поступь я Тамары
Сквозь журчание Куры.

Сейчас ты далеко,
Но сердца коснись,
Проснись, мое око,
Тбилиси, вернись!

Май 1942 г.

НА ПРОЩАНЬЕ

На дальнем Юге бродит северянин
И мысленно ведет о нем рассказ:
Все тот же мир, но он немного странен
Для этих любопытствующих глаз.

Домов над ярусом нависший ярус
Медведица на крыше сторожит,
А месяц новый, что у нас как парус,
Порой здесь легкою ладьей лежит.

Цветы зимой... Но каждый русский ахнет,
Когда, храня весенний, талый вид,
Подснежник вдруг черемухой запахнет,
Иль веткой вербы назовут самшит.

Запомнится, как ласточки-мерцхали,
Задержанные на пути войной, -
Как беженцы теснимые, мерцали
В час вечера гонимые толпой.

Запомнит он и осликов шершавых,
И рядом курдку в куртке расписной,
Порошу снега на зеленых травах,
Глазок фиалки теплою зимой;

Запомнит все: и небыли, и были,
И ветерок как русский налетал,
И как всерьез малютка швили-швили
Однажды бабуа его назвал.

Июль 1942 г.

ОДНО СЕРДЦЕ И ОДНА ДУША

Санкт-Петербург. Северная Пальмира. Город величественных соборов и прекрасных дворцов, широких проспектов и петляющих набережных, бесчисленных мостов и мостиков, город часто случающейся непогоды и белых ночей.

Мое детство, юность, годы учебы в университете, многие надежды и чаяния связаны с этим городом. Петербург — моя первая любовь. Этого уже не изменить, историю переписать невозможно.

Но вот уже год как я живу в Грузии. В Тбилиси. Время летит незаметно, оставляя в сердце свои следы-отметки. В хронике моей тбилисской жизни зафиксированы радости встреч и бесконечных «открытий» и беспокойство путника, которому ночь угрожает быть застигнутым в пути, переживание - привыкание к каждодневному звучанию рядом с тобой неродного, незнакомого, но невероятно притягательного языка, на первый взгляд, словно состоящего из очереди одних согласных звуков, которые вот-вот зазвучат песней. Белла Ахмадулина писала: «Между

Цицино Цицхваиа

Работы Цицино Цицхваиа

весельем и пением, печалью и пением, любовью и пением вовсе нет промежутка, если грузин не поет сейчас, то только потому, что собирается петь через минуту».

Меня настигли в Тбилиси и некоторые «прелести» здешней жизни - необходимость жесткой экономии электричества, в результате – выстуженная квартира и посиневший нос, невозможность вызвать такси, если ты живешь чуть выше «Круглого сада», а на улице выпал снег... Пришлось распрощаться и с некоторыми мифами

о Грузии, но это позволило разглядеть глубинное, подлинное, неприукрашенное традицией и инерцией привычек грузинского характера, его духа, красоты и благородства.

В Тбилиси у меня появились свои любимые уголки, куда всегда стремлюсь в минуты душевного смятения, где просто люблю побродить наедине со своими мыслями или провести время с близкими мне людьми.

Теперь у меня есть мой Тбилиси – с любимой скамейкой в городском сквере, с пешеходным маршрутом, по которому люблю отправиться в дождь, церковь, не самой популярной среди тбилисцев, кусочком неба и статной телевизионной башней, которые я вижу в окно моей нынешней квартирки.

И, все-же, мой Тбилиси – это люди.

Милая пожилая торговка, весело предлагающая всякую «харахуру», и попрошайка на перекрестке, в благодарность за 30 тетри осыпаящая тебя такой россыпью словесных «алмазов», что весь день «сверкаешь» от радости и ощущения легкости бытия. Вообще, чувство благодарности, на мой взгляд, одно из самых естественных проявлений человеческой природы, грузинам присуще вдвойне. Бабушка Этери, моя соседка, вот уже в течение года потчует меня кулинарными изысками грузинской кухни в знак благодарности за какую-то малость – вынесенный на солнце матрас или выслушанную исповедь-жалобу. За искренность-откровенность, проявленную, скорее из

слабости, неожиданно обрела «ангела-хранителя» в лице сердечной, мудрой, пронзительной и добрейшей Лии. Видно, сама земля здесь уникальная – бросишь в нее махонькое «семечко добра и доверия», а уж оно прорастет цветущим «деревом любви». Потрясла меня одна фраза, услышанная в Грузии. «Мы ничего друг другу не должны. Ничего, кроме взаимной любви». Вот он – неписанный закон бытия, в котором видится будущее человеческой цивилизации, перспектива диалога культур, сохранения здоровых человеческих отношений и связей. Взаимная любовь... Мудрость, глубина и величайшая сила в простоте безыскусных слов. Но не только слов. Грузины обладают редким даром – способностью выражать любовь. И не только одаривая гостя вниманием за праздничным застольем, слагая в его честь высокохудожественные тосты, проявляя, кажущуюся порой нарочитой, обходительность и предупредительность, обмениваясь друг с другом «лобзанием любви» при встрече... Здесь так относятся к детям и старикам, что я снова хочу стать маленькой девочкой и, прожив долгую жизнь, встретить старость в Грузии. А еще здесь не забыта традиция помогать всем миром. Часто в ущерб себе - своему покою, семейному кошельку, времени, желанию расслабиться после трудовых будней...

Мой Тбилиси - это мои друзья. Цицино Цицхваиа. Она живет в Тбилиси уже 21 год, но каждую ночь во сне видит родной, любимый Сухуми. Она чувствует его запахи, слышит его дыхание - шум моря, всхлип прибоя и как растут деревья. Об этих великанах, а не об утраченных домах с садами и том, что было оставлено под их крышами, она тоскует, не теряя надежды на то, что однажды сможет вновь поклониться оставленным в Абхазии родным могилам.

Меня всегда удивляла в Цицино гармония, в какой соседствуют в ее душе крестьянская тяга к земле и эстет-

ское отношение ко всему, что с землей не связано. Квартира, где моя подруга живет вместе с мужем, свекровью и тремя очаровательными детьми-подростками – настоящий музей искусств. Музей не в том смысле, что здесь ты можешь прикоснуться к древности. Настоящий праздник для глаз – коллекция диковинных вещей и предметов – все это плоды творческого вдохновения, фантазии и изобретательности мамы-маэстро Цици. Живописно-сочные панно из шерсти, акварели, в которых невозможно не заметить душевной привязанности автора к творчеству русского художника Льва Бакста, поражающие разнообразием форм, размеров, мастерством и безупречным вкусом, с каким исполнены «дары прекрасной половине человечества» - пояса, браслеты, сумочки, кошельки, изумительной красоты батники – словно сады некой грузинской Семирамиды. Взглядом пытаешься отыскать в них цветок граната. Кстати сказать, он как авторское клеймо сопровождает практически все живописные работы Цицино. Для нее цветок граната – воплощение идеальной красоты - души, духа, ее родной Грузии. Можно сказать иначе, ее Грузия – это цветок граната и Важа Пшавела. У великого горца и у отца Цици училась понимать, слышать, чувствовать прекрасное, любить и выражать любовь к родной земле. Путем немалых усилий, ограничений и трудов, скопив скромную сумму, она приобрела крохотный кусочек земли. Понять этот поступок можно, если видеть в нем не рационально-прогматичный подтекст, но движение души, которой подобный жест диктовала необъяснимая для жителя какого-нибудь мегаполиса, но столь понятная каждому грузину тяга к земле.

С детства отец учил Цици, что человек должен трудиться физически и душевно, руками и умом. Однажды он поднял с земли камешек и показал ей: «Что ты видишь здесь?..» Этот эпизод стал, вероятно, ключевым в ее жизни, зерном, упавшим в благодатную почву, этот подсказанный отцом способ познания мира. Вглядывание, вслушивание стали потребностью маленькой Цици, выросли в ней жаждой преобразовать мир.

«Мне было девять, когда мой «голод» по красивому и красоте дал знать о себе. Мне понравился кантик на висевшей в нашем доме люстре. Я прилепила его к маминому английскому жилету, выкроив из него необыкновенной красоты (как мне думалось) сумочку. От мамы, конечно, досталось. Но остановить меня уже было невозможно...»

Пришло время и папа отправил дочку учиться в Москву, где она поступила в текстильный институт на факультет прикладного искусства. Педагогами по композиции, живописи, рисунку, были замечательные русские художники Александр Васильев, Вячеслав Козлов. А начиналось все с обычной анатомии. Далее следовало многочасовое стояние за мольбертом в аудиториях, музейная практика, всевозможные пленэры... «Если дизайнер не может рисовать, он никогда не создаст достойной натуры», - повторяли педагоги.

Цицино благодарна всем, кто подарил ей сегодняшнюю свободу в творчестве, ведь профессионализм никогда не бывает неуместным или лишним, тем более, когда речь идет о воплощении художественных замыслов и фантазий.

Московские «университеты» запомнились моей подруге суровыми зимами. Совсем непросто пришлось бы этой хрупкой, выросшей под южным солнцем красавице, если бы не Татьяна Сергеевна, хозяйка, у которой Цицино снимала угол. Добрая, скромная и заботливая она пекла пироги, чтобы хоть немного откормить казавшуюся ей уж слишком худенькой Цици. Москвичка в четвертом

поколении Татьяна Сергеевна знала множество историй из «прежней московской жизни». Фантазия художницы дополняла эти истории новыми деталями и штрихами, превращая их в жизнеописания, где главным действующим лицом была уже сама Цицино. И Москва перестала казаться девушке городом чужим и незнакомым, зимы – такими уж суровыми и студеными. «А почему вы с кошкой по-грузински говорите, Цицино?» – с недоумением спрашивала Татьяна Сергеевна. «Так разве она русский понимает?» – отвечала Цици. И уже через мгновение обе закатывались от смеха. Так и жили они – Цици, Татьяна Сергеевна и кошка Мака - втроем, в скромной московской квартире. Старушка заботилась о Цицино, та отвечала ей благодарностью и любовью.

Ясные, скромные будни взаимной любви. Они запечатлены в сердце моей подруги. Там, где всегда будет место для ее России.

«Моя Россия, в первую очередь, это мои друзья. Вторую, русское искусство и литература», - говорит Цицино. «У меня порой возникает чувство, что все любимые мною русские художники и писатели – грузины. Если я чего-то не понимаю, то это – не мое, не родное. Но Чехов, Булгаков – чувствую душевное родство с ними, потому для меня они – грузины...»

Русский был вторым языком, на котором Цицино говорила с детства. Она училась в грузинской школе, но языком общения во дворе ее дома в Сухуми, где грузинские дети играли вместе с русскими, татарами, абхазами и украинцами был русский. Язык не только объединял их в играх, он был некой территорией «встреч и узнаваний». А, как известно, от узнавания и рождается любовь. И они любили друг друга, и было у них на всех «одно сердце и одна душа».

Когда же мы утрачиваем способность искренно и непосредственно выражать чувства, видеть в другом доброе и лучшее? Откуда возникает чувство мнимого превосходства над другими, ощущение собственной значительности и значимости, эта злая ирония, какую мы посылаем в адрес кого-то не похожего на нас?

«Где просто – там ангелов со ста», - эта народная мудрость была крепко усвоена русской деревенской бабой, с которой моя подруга Цицино познакомилась во время студенческой летней практики. «Мы отправились в Кирилло-Белозерский монастырь сделать зарисовки с натуры. Монастырь был в запустении, охрана в лице каких-то официальных теток на территорию его нас не пустила, потому мы, взобравшись на полуразрушенную стену, принялись было работать... Вдруг я повернула голову и увидела поодаль от Белого озера крепкую, дородную, с косой в руках крестьянку - эдакий символ плодородия и жизнестойкости. Завороженная ее грацией и силой, я подошла... «Можно покошу? – спросила робко у косаря в юбке. «Покоси, - пробасила та. - «Откуда ты?» - «Из Грузии, в Москве учусь», - ответила я. - «А...родичей повидать пришла...», - баба с пониманием кивнула головой в сторону монастырского кладбища... Оказавшись там, среди старых, заброшенных могил, я поняла, о чем говорила женщина. Сметя пожухшую листву с одной из могил, прочла и обомлела. Князь Мухранели...»

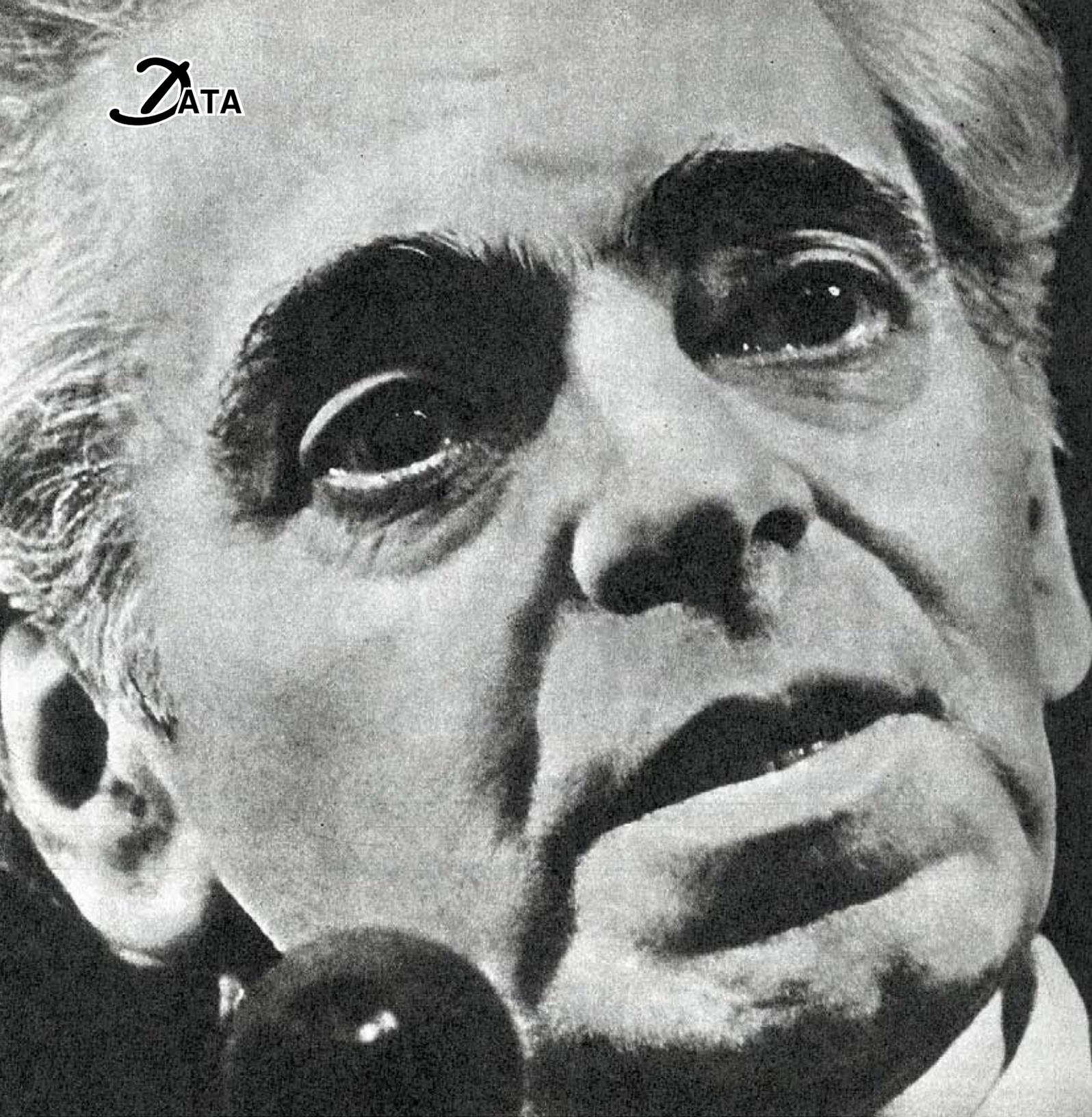
Заброшенная могила грузинского князя на монастырском кладбище Вологодщины и эта деревенская русская баба с косой в руках, для Цицино навсегда ее Россия. Она ее помнит, любит, хранит в своем сердце...

Я живу в Тбилиси. Продолжаю открывать «свою» Грузию. День ото дня я узнаю ее все больше. Все больше влюбляюсь в нее. И эта любовь дарует мне шанс познать себя и свое человеческое призвание.

Что еще нужно человеку для счастья?!

Юлия СИБЕРСКАЯ.

DATA

время - на зиму, тем не менее очарование от города-музея было невероятным.

Конечно, немалую роль в этом сыграл тот круг людей, который встретил меня там. Это была семья профессора Ленинградской консерватории Александра Владимировича Зейлигера и его супруги Марии Михайловны Страдецкой. Эти чудесные люди были давнишними и очень близкими друзьями семьи моего мужа - Георгия Михайловича Гиголова.

Войдя в эту семью, я часто слышала много хорошего о «наших питерцах», о «наших ленинградцах». Наконец и я непосредственно познакомилась с ними - они очень часто приезжали в Тбилиси и подолгу гостили у нас. И хотя они считались друзьями старшего поколения - отца моего мужа хирурга Михаила Георгиевича Гиголова и его супруги Марии Ивановны, - тем не менее нам, молодым, всегда было очень интересно и приятно общаться с этой замечательной парой. Их отличали и высокий интеллект, и поразительная эрудиция, и немислимая доброта, и отзывчивость, а еще какая-то органическая любовь к нашему городу, в котором у них было множество дружеских связей.

Среди тбилисских друзей особенно близка им была семья Чуты (Елены Константиновны) Эристави-Жгенти, которую можно с полным правом назвать одним из ярких тбилисских очагов высокой культуры и духовности.

Елена Константиновна, которую все всегда называли Чутой, славилась необыкновенной красотой и талантливостью, была очень артистичной, недаром несколько раз ее снимали в первых - еще немногих - грузинских кинофильмах. Елена Константиновна была и очень музыкальной. В давние годы она брала уроки по фортепиано у Александра Зейлигера, часто приезжавшего в Тбилиси, и, судя по его словам, подавала большие надежды как пианистка. Дочь Елены Константиновны - Ирина Жгенти, вышедшая замуж за известного деятеля грузинской культуры Акакия Дзидзигури, посвятила себя науке, она - профессор Тбилисского университета, многие годы преподает студентам языковедческие дисциплины. А вот ее дочь - Медея Дзидзигури - явно унаследовала от бабушки Чуты музыкальный дар и артистизм. Она стала известнейшей и любимейшей звездой грузинской эстрады, песни в ее исполнении вошли в золотой фонд грузинской музыкальной культуры. К великому сожалению, наша всеобщая любимица рано ушла из жизни.

Немало можно вспомнить еще об одной дружеской связи с театральным Питером, завязавшейся уже в «мой» период жизни в семье Гиголовых. Это несравненный Аркадий Исаакович Райкин и его супруга Рома Марковна Рома. Первый раз они побывали у нас дома в пасхальные дни 1972 года (в апреле). Никогда не забуду, какой фурор на нашей улице произвел их приезд. Был теплый весенний день, многие из соседей гуляли, дети тут же играли. И вдруг! Все увидели Райкина, самого Райкина, живого Райкина! Он со своей супругой в сопровождении моего мужа и сына вышли из машины и направились к нашему подъезду. Что тут началось! Все сбегались и почти до неприличия откровенно и удивленно-радостно приветствовали своего кумира. И это было совершенно естественной реакцией людей, которые восторженно относились к этому гениальному артисту, ставшему уже тогда живой легендой не только в России, но и далеко за ее пределами. В Тбилиси у него и в тот раз было несколько концертов. Идя к нам, Аркадий Исаакович очень настойчиво просил, чтобы у нас не было никого «чужих», кроме членов семьи (мы не могли

не выполнить этой просьбы, что явилось причиной обид со стороны многих наших друзей...).

Понять Райкина можно: во-первых, он уже порядком устал от широких тбилисских застолий, во-вторых, вечером того дня он должен был выступать. Спустя несколько часов он, в преддверии концерта, не нарушая своего режима, отдохнул полтора часа в нашей спальне. Ведь он был, как ни странно, если вспомнить его невероятные динамичные и физически столь напряженные выступления, человеком с очень больным сердцем. Я это хорошо знаю, так как, сама будучи давней «сердечницей», в разговоре с ним на эту тему с удивлением услышала много грустного и о его серьезном пороке сердца, и о стенокардии, и о «недостаточности». И когда мы «хвастали» друг перед другом своими недугами, он «в доказательство» своего «превосходства» раскрыл свой чемоданчик-«дипломат», который всегда был с ним, и показал мне его содержимое: я с грустью увидела, что он был переполнен всеми возможными сердечными лекарствами. Этот «дипломат» я не раз видела, увя, в раскрытом состоянии в антрактах концертов Райкина, когда ходила к нему за кулисы приветствовать и поздравлять с неизменным блестящим успехом. Невозможно было не поражаться тому удивительному перевоплощению, той невероятной метаморфозе только что совершенно обессиленного, расслабленного, смертельно утомленного человека, которая вдруг происходила с ним в нужный момент. Он расправлялся, как пружина, и легко

С автографом семье Гиголовых

выбегал, вернее, выпархивал на сцену, продолжая восхищать зрителей поразительным волшебством своего высокого искусства.

Несравненный сатирик, владеющий могучим оружием осмеяния краснобаев и казнокрадов, чванливых дураков, бюрократов, хапуг, беззастенчивых карьеристов, моральных уродов, пьяниц, делавший это удивительно виртуозно, вызывая бурю неукротимого смеха только ему, Райкину, известными колдовскими способами, - в жизни этот «Паганини эстрады», как называли его критики, этот виртуоз миниатюры, молниеносно меняющейся «блицформы», - был серьезным и даже грустным человеком. Какая глубокая эрудиция и разносторонняя образованность, сколько ума и наблюдательности, сколько блеска и остроумия было всегда в суждениях и разговорах этого красивого, стройного, всегда с большим вкусом одетого, интеллигентнейшего человека с

Аркадий Райкин и Георгий Товстоногов

Аркадий Райкин в ролях

немного застенчивой улыбкой и умными, чуть усталыми глазами... И еще: никто не умел так внимательно, понимающе и сочувственно слушать, как это делал Райкин. Я помню наше с ним посещение больших грузинских художников - таких разных и замечательных каждый по-своему - Гудиашвили и Гурули. Даже на фотографиях видно, с каким глубоким интересом и вниманием он осматривал их творения и слушал самих авторов, с какой трепетной благодарностью он принимал от обоих в дар их прекрасные картины. Дома у Райкиных я видела много подобных подарков от известных художников, среди них были и несколько чудесных полотен Елены Ахвледиани, которые она в свое время дарила Аркадию Исааковичу, восхищенная его несравненным талантом. Уморительно было наблюдать, как у себя дома Райкин, переходя в разговоре на «запрещенные» политико-социальные темы, прикладывал палец к губам, с подчеркнуто-серьезным видом брал подушку и накрывал ею собственный телефон, говоря: «А этого Иван Иванович не должен слышать!» Увы, такова была наша тогдашняя действительность, нужно было опасаться «жучков» в собственном доме.

Трогательно было видеть, с какой заботой, любовью и вниманием Аркадий Исаакович относился к своей супруге. Причем, это проявлялось всегда - и тогда, когда она была в полном здравии, и тогда, когда очень тяжело боле-

ла. Рома Рома была не только прекрасной актрисой, но и очень талантливой рассказчицей и даже «тамадой». Да-да, именно тамадой! Как-то раз я была приглашена к Райкиным в день рождения их очаровательной дочери Кати. «Вела» стол в качестве тамады именно Рома, а не Аркадий Исаакович, причем, делала это на очень высоком уровне, произнося тосты красноречиво и остроумно. Муж сидел рядом, живо реагируя на ее выступления, и у меня сложилось впечатление, что он очень гордился ею, блиставшей каскадом юмора и эрудиции. Когда я спросила его позже, почему он «уступил» застольные бразды правления Роме, он, лукаво улыбаясь, ответил, что таким образом отдыхает, расслабляется, а главное, получает огромное удовольствие, слушая ее. Самого же Аркадия Исааковича я не раз слушала у нас дома за столом, когда он, как бы «соревнуясь» в остроумии и с нашим другом режиссером Димитрием (Додо) Алексидзе, и с моим мужем, рассказывал разные случаи из своей жизни, причем делал это с уморительно-ложной серьезностью, изяществом и подспудным юмором.

А еще один раз мне довелось слышать Райкина за совершенно сказочно-необычным застольем. Дело было так. Как-то в день 1 мая Аркадий Исаакович предложил мне и моей московской подруге, которая была за рулем машины, и ее приятельнице, бывшей в тот день с нами, поехать на дачу Петра Леонидовича Капицы (к «Капичкам», как сказал нам Райкин) на Николину Гору. Мы, конечно, заволновались; к самому Капице! Аркадий Исаакович стал нас успокаивать, говоря о том, какие чудесные, милые, простые, и очень им любимые люди «Капички». И он был тысячу раз прав. И сам отец Капица, и его замечательная супруга, и их сын, которого мы уже давно и хорошо знали по его интересным телевизионным передачам «Очевидное-невероятное», оказались симпатичнейшими, приятными и очень гостеприимными хозяевами. У них в гостях уже были... как вы думаете, кто? Сам Иракий Луарсабович Андроников с супругой... Невозможно передать, какого высочайшего уровня «праздником души» остался в моей памяти этот день. Участвовать в этом необыкновенном застолье, быть живыми свидетелями их остроумнейшей словесной «перестрелки», слушать рассказы и воспоминания этих небожителей о множестве любопытнейших случаев из их жизни, их мысли и рассуждения на самые разные темы и литературного, и научного, и театрального, и политического характера, было, конечно, огромным счастьем.

С А. Райкиным мне и моей ближайшей подруге Ляле (Мелите) Квдиашвили не раз приходилось встречаться во время наших творческих командировок (тогда у Института грузинской литературы им. Ш. Руставели АН Грузии была такая счастливая возможность - отправлять своих сотрудников поработать в архивах и библиотеках Москвы и Ленинграда, а также других городов). Почти на все премьеры и другие труднодоступные спектакли во всех столичных театрах мы имели возможность попадать благодаря райкинскому «блату». А потом, после нашего возвращения из театра Райкин любил подробно расспрашивать о наших впечатлениях, и эти обсуждения по телефону длились иногда рекордно долго. Слушать его суждения всегда было безумно интересно.

Однажды Райкин произнес целый монолог, который я постаралась воспроизвести: «Видите ли, мне всегда представляются главным в искусстве не способы самовыражения художника, не их разнообразие, усложненность и прочее, а та цель, та основная задача, которая была перед ним, когда он брался за произведение. Вы-

ступая перед людьми, имея смелость и дерзость говорить с ними, надо знать, что хочешь сказать, и надо знать, зачем ты это говоришь, с какой целью? А самовыражаться, показывать мне, что ты есть сам, - это не то искусство, которое меня трогает. Художник должен знать, что сегодня важно и нужно сказать людям. И вот тут-то пусть он и оставляет «в уме» два, пять, десять или сколько нужно... Но только - на этом пути, когда он знает и мы все знаем, что там, «в уме», за кадром, десять или пять, а не ноль... А вот когда король-то голый, когда нечего сказать и ничего нет за всеми этими недомолвками, недосказанностями - это плохо...»

Несколько раз он сам появлялся на спектаклях вместе с нами. Это всегда было очень забавно: публика больше смотрела в сторону своего любимца, чем на сцену! Помню, как давным-давно он повел меня в «Современник» на «Валентина и Валентину», где играл тогда начинавший свою театральную карьеру его сын Костя. Как Аркадий Исаакович гордился им, как восторженно рассказывал о многосторонних способностях своего любимого мальчика, как подчеркивал те или иные его удачные профессиональные находки! И уже тогда было ясно, что отец ни на йоту не ошибается, нисколько не преувеличивает достоинств Константина. В последующие годы мы все могли убедиться и с огромным удовольствием продолжаем убеждаться, что младший Райкин - одна из блестящих вершин театрального искусства.

И еще: очень интересно было слушать Аркадия Исааковича, когда он читал нам свои новые, «необыкновенные» на сцене монологи. Он обычно работал над ними, удалившись в какой-нибудь пригородный санаторий или дом отдыха, где на воздухе, вне городского шума и многолюдья он таким образом «отдыхал». Очень любил, когда приезжали навестить его. Ему было интересно на «свежих» слушателях проверить результаты своих последних, новых «наработок». Он всегда внимательно наблюдал за нашей реакцией, просил неловко говорить о своих впечатлениях. Выступать в качестве «оценщика» этих шедевров (естественно, восторженного!) было величайшим счастьем. Не передаваемая радость рождалась не только от великого таинства гениальности, раскрывающейся перед тобой, но и от того, как остроумно, с непередаваемым юмором он комментировал изображаемое...

Однажды мы побывали в санатории у Райкина вместе с племянником моей московской подруги, который сделал много фотоснимков и во время нашей прогулки по территории парка, и потом, в его комнате, где он щедро продолжал нам читать еще, по его словам, «сырые» и не до конца отделанные монологи. Великий художник как бы впустил нас в свою творческую лабораторию, и мы, затаив дыхание, становились счастливыми «соглядатаями» этого праздничного таинства. Даже на фотографиях, которые хранятся у меня, можно увидеть этот великолепный, поразительно меняющийся фейерверк.

Светлана КОШУТ

2004

С сыном Константином

В ЭТОМ ГОДУ ТБИЛИССКОМУ ХУДОЖНИКУ, ЗАСЛУЖЕННОМУ АРХИТЕКТОРУ ГРУЗИИ КОНСТАНТИНУ ВЛАДИМИРОВИЧУ ГРИЦАЮ ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ 110 ЛЕТ. ОБЩЕИЗВЕСТНО, ЧТО НАЛИЧИЕ ТАЛАНТА ДАЛЕКО НЕ ВСЕГДА ОБЕСПЕЧИВАЕТ ХУДОЖНИКУ ПОВСЕМЕСТНУЮ ИЗВЕСТНОСТЬ, КАК ПРИНЯТО ВЫРАЖАТЬСЯ, «СЛАВУ И ДЕНЬГИ». ОСОБЕННО ПРИ ЖИЗНИ. КОГДА РАЗМЫШЛЯЕШЬ ОБ ЭТОМ, В ПАМЯТИ ВОЗНИКАЕТ ОБРАЗ АМЕДЕО МОДИЛЬЯНИ, УМЕРШЕГО В НИЩЕТЕ И ПРИЗНАННОГО ВЕЛИКИМ ЛИШЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ. ТАКОВА СУДЬБА МНОГИХ ХУДОЖНИКОВ. СТАЛ НЕ ИСКЛЮЧЕНИЕМ И КОНСТАНТИН ГРИЦАЙ. ДОЛГИЕ ГОДЫ ЕГО РАБОТЫ ПЫЛИЛИСЬ В ПОДВАЛАХ, А НА СУД ПУБЛИКИ БЫЛИ ПРЕДСТАВЛЕНЫ ЛИШЬ В СЕНТЯБРЕ 1997 ГОДА НА ТБИЛИССКОЙ ВЫСТАВКЕ, ПОСВЯЩЕННОЙ 850-ЛЕТИЮ МОСКВЫ. А УЖЕ В ОКТЯБРЕ ОТКРЫЛАСЬ ПЕРВАЯ ПЕРСОНАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА КОНСТАНТИНА ГРИЦАЯ В ЦЕНТРЕ КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ «КАВКАЗСКИЙ ДОМ». БЫЛО ЭКСПОНИРОВАНО ДВАДЦАТЬ ЖИВОПИСНЫХ РАБОТ. ТОГДА ОНИ СРАЗУ ПРИВЛЕКЛИ ВНИМАНИЕ СПЕЦИАЛИСТОВ И ЦЕНИТЕЛЕЙ ИСКУССТВА. УВИДЕЛ ИХ КАК-ТО ЗУРАБ ЦЕРЕТЕЛИ, ПОСЛЕ ЧЕГО ПОСОВЕТОВАЛ БЛИЗКИМ ГРИЦАЯ БЕРЕЖНО ХРАНИТЬ НАСЛЕДИЕ ХУДОЖНИКА.

КАРТИНЫ НЕ ГОРЯТ

КОРНИ

Атмосфера, в которой формируется будущий художник, часто бывает определяющей для его творчества. Костя, самый младший в многодетной семье, с малых лет был окружен любовью и вниманием. Отец, генерал царской армии, действительный статский советник, доктор медицины Владимир Сергеевич Грицай (очевидны украинские корни – дед родился в Херсоне) был однокурсником и другом знаменитого физиолога Ивана Павлова. Мать, Елена Карловна Горновская, по материнской линии баронесса фон Варнек, окончила кутаисскую гимназию. Согласно семейному преданию, Елена Горновская в девичестве дружила с матерью Владимира Маяковского. Еще один любопытный момент: за юной девой ухаживал тогда холостой отец Маяковского - тоже Владимир - делал предложение, но получил отказ. Потому что Елена была уже знакома со своим суженым, которого тоже, кстати, звали Владимир. Вышла за него замуж в 16 лет. Семейная жизнь была беспокойной. Владимиру Грицаю приходилось переезжать вместе с родными из одного города в дру-

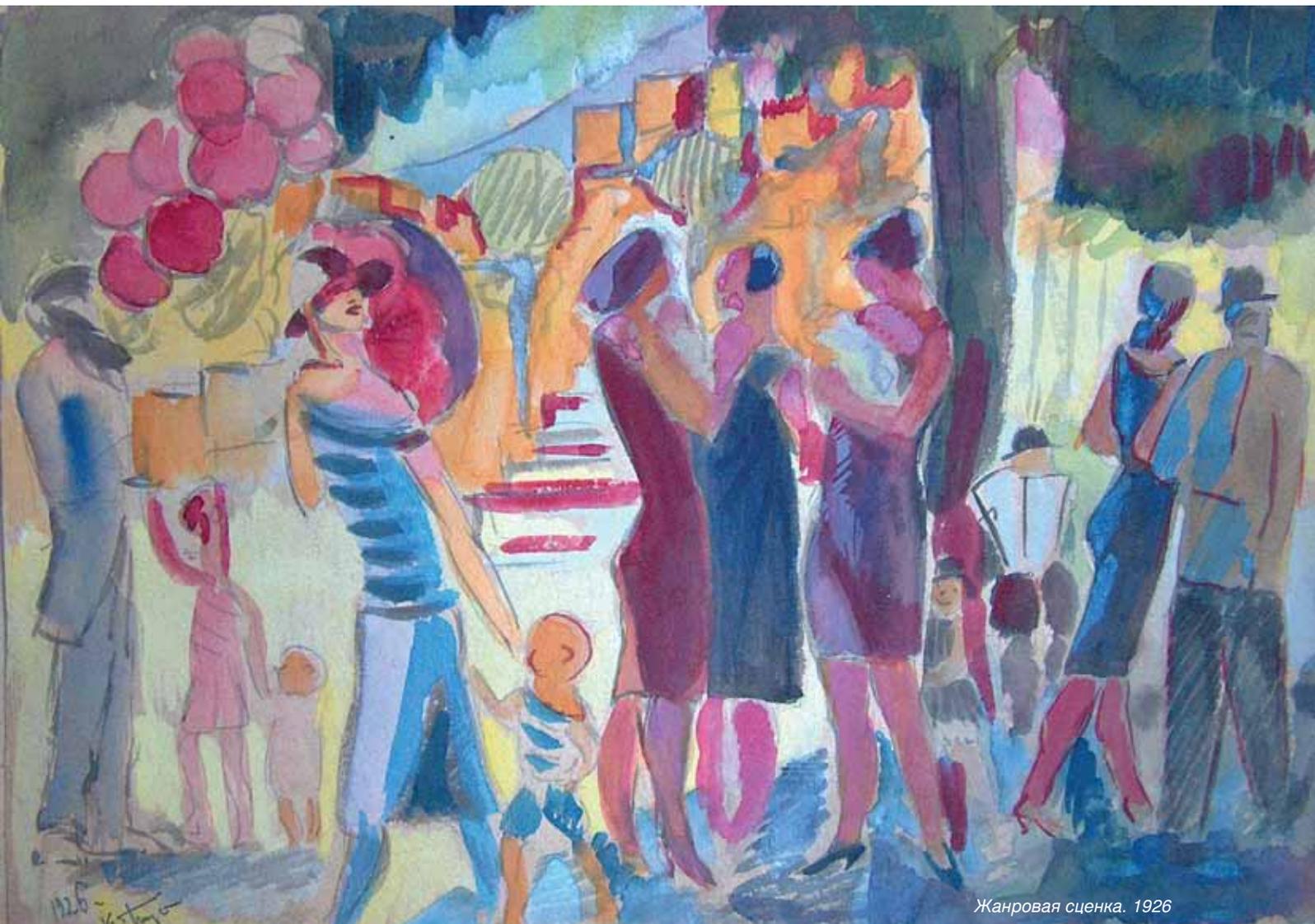
гой. Ничего не поделаешь – служба! Поэтому старшая дочь родилась в Варшаве, другая – в Петербурге... А Костя появился на свет в Екатеринодаре в 1901 году.

В 1902 году семья переезжает в Кутаис, а в 1914-м – в Тифлис. И поселилась в доме на Великокняжеской улице (позднее - Камо, ныне – Узнадзе). По сей день здесь живут потомки Константина Грицая – дочери Елена и Татьяна...

УРОКИ ЛАНСЕРА

Рисовать Костя начал уже в три года. Сохранились рисунки пяти - шестилетнего возраста. Владимир Сергеевич, замечая одаренность сына, собрал 10 тысяч рублей золотом – на обучение во Франции. Не получилось – революция разрушила планы. По окончании тифлисской мужской гимназии Константин даже пытается продолжить семейные традиции – учится на медицинском факультете университета. Однако призвание художника оказывается сильнее...

Константин Грицай относится к числу первых вы-

Жанровая сценка. 1926

пускников Тбилисской Академии художеств, куда поступил в 1922 году, в мастерскую Евгения Евгеньевича Лансере - знаменитого художника, члена объединения «Мир искусства». Он гордился своим учеником и прочил ему большое будущее. Преподавал Константину и другой основатель Академии художеств – художник-баталист, близкий «Миру искусства» Иосиф Адольфович Шарлемань. Учился Грицай на отделении живописи и промышленного дизайна.

- Творческий дух буквально горел в нем, он не мог усидеть на месте, - рассказывает Татьяна. – Он много ходил, смотрел, жадно впитывал впечатления, наслаждался красотой окружающего мира и переносил ее на бумагу. Сохранилось огромное число папиных рисунков. Один - с автографом Евгения Лансере. Папа изобразил какой-то контур сидящей фигуры. И написал сам себе: «Доволен!» А внизу другой рукой приписано: «Я тоже!» Автограф Лансере... Евгений Евгеньевич вообще считал отца лучшим рисовальщиком на курсе. Но отец не останавливался на достигнутом, постоянно набивал руку, совершенствовался...

В 1927 году Константин Владимирович оканчивает факультет живописи и получает специальность художника-педагога. Несмотря на очевидные успехи в живописи, продолжает учебу на архитектурном факультете. Объясняется такой шаг просто: в душе Грицай мирно

уживались две любви - к живописи и архитектуре. А спустя три года Константин Владимирович переводится из Академии в Инженерно-строительный институт и вскоре защищает диплом по специальности «архитектурная планировка городских сооружений».

ЖИВОПИСЬ, ЛЮБОВЬ МОЯ...

В небольшой квартире Константина Грицай стены увешаны портретами, натюрморты, пейзажами – один лучше другого. В этих работах угадывается школа старых мастеров и одновременно художественный дискурс новой эпохи, органично сочетаются классика и авангард, традиция и эстетика русского модерна, академизм и элементы импрессионизма. Хотя Константин Владимирович больше всего ценил классический период развития живописи. Восхищался творчеством Леонардо да Винчи, Тициана, Рафаэля, Микеланджело, голландцев...

Интересны женские портреты. На одном из них изображена Маргарита Тер-Асатурова – соседка... Очевидно, что художник любит наслаждение, пытается перенести на бумагу тайну женской красоты. Как вспоминает Татьяна Грицай, отец всегда замечал привлекательных женщин, да и сам пользовался их расположением и вниманием... Вот еще одна красавица. Черные, чуть

раскосые глаза, густые брови вразлет, яркие, красивой формы губы... Магия, глубина. Примечателен портрет «Женщина в чалме» - эстетская работа периода учебы в Академии.

А вот типичная представительница своей эпохи. Короткая стрижка по моде 20-30-х годов, открытая шея, скромное, элегантно платье... Спокойная, выдержанная цветовая гамма. Рука мастера! Восхищают автопортреты, особенно тот, где художник изобразил себя с кистью в руке. Высокий лоб. Гладко зачесанные волосы. Проницательный, взыскующий, чуть искоса, взгляд словно изучает человека, проникает в его душу.

Не меньше завораживают натюрморты и пейзажи «Букет мимозы», «Сирень», «Пейзаж над Курой»...

- Сколько себя помню, «Пейзаж над Курой» всегда был перед глазами, - вспоминает Таня, - Видимо, эту работу папа очень любил. Сама тема привлекала на протяжении всей жизни. Сохранилось много эскизов к этой картине, написанных в разные периоды. Есть самые ранние пейзажные зарисовки, сделанные, когда отцу было всего лишь тринадцать-четырнадцать лет. Чувствуется еще неуверенная рука, по сути, это детские рисунки... Объектом внимания папы всегда была и церковь Иоанна Богослова. Сохранилось множество маленьких эскизов, выполненных маслом. И вот с этой картиной, запечатлевшей улицу Камо, папа тоже никогда не расставался. Как и с этим «Осликом»... Кстати, он писал в основном на картоне, а не на холсте – это обходилось намного дешевле. Ведь папа работал в трудные годы! Сегодня мы имеем, в общем, довольно много произведений Константина Грицай, ведь он ничего не выбрасывал – работал в стол. Не выставлялся. Он был всегда активным в работе, но не в общественной жизни. Что касается его

отношения к советской власти, то могу сказать одно: папа близко к сердцу принял решения XX съезда и последовавшую за этим «оттепель»...

ОТКРЫТИЕ ХУДОЖНИКА

Большую роль в открытии имени Константина Грицай для широкой общественности сыграла искусствовед Натела Никонина – к сожалению, эта умная, благородная и красивая женщина недавно трагически погибла. Она впервые представила публике сначала живопись, а затем и гра-

фику Константина Грицай 20-30-х годов. Ему удалось передать стиль 20-х годов, аромат эпохи, как бы сфокусировать время, остановить его, так что у нас, нынешних зрителей, возникает острое ощущение личного присутствия Там и Тогда.

Среди графических работ Грицай – типичный соцарт под названием «Праздник в Муштаиде», передающий настроение всеобщего ликования; эскизы к книге Ильи Эренбурга «Трубка коммунара», выполненные в стилистике 20-х годов: гротеск, сатира, четкий рисунок; этикетка к «Боржоми» - первая реклама знаменитой минеральной воды... По мнению Н. Никоновой, Константин Грицай реализовал себя как художник. «Главное в творчестве Грицай – умение остро и образно передать ощущение времени, способность созерцать природу и достигать в ее творческом прочувствовании и осмыслении художественного обобщения».

Сегодня его наследие включает более ста произведений, выполненных маслом, акварелью, гуашью, тушью. Среди них много карандашных рисунков, графических работ.

Первые годы после окончания Академии Грицай работал художником на киностудии «Грузия-фильм», принимал участие в создании таких лент, как «Георгий Саакадзе», «Неуловимый Ян» (в этой картине Константин Владимирович снялся в массовке) и многих других.

- Константин Грицай был знаком с Сергеем Герасимовым, Тамарой Макаровой, Марком Бернесом – в военные годы в Тбилиси был эвакуирован «Мосфильм». Папу снимали в военных картинах, потому что он подходил как типаж на роли немецких офицеров – давала о себе знать немецкая кровь. Однажды мы смотрели фильм «Неуловимый Ян» в кинотеатре «Амирани». Папа предстал в образе пленного немца, который на руках держит ребенка. Произвел на нас сильное впечатление – видный мужчина!..

ДРАМА МАСТЕРА

В качестве художника Константин Грицай работал вплоть до 1950 года. А потом полностью переключился на архитектуру, потому что живопись не давала ему возможности содержать семью. Долгие годы Грицай работает в проектных институтах. Как архитектор создал много проектов – 31-й авиационный завод, торговый центр в Лило, типовые проекты жилых домов, гостиниц, универмагов... По его проектам в СССР было построено до 500 универмагов! Время было тяжелое, поэтому проекты были экономичными, так что к двухэтажному зданию, предусмотренному проектом, пристраивали третий-четвертый этажи.

- Архитектура стала для папы новой творческой ступенью. Только с тонкой душой художника можно было интереснее и ярче раскрыться в этой области, - считает Лена.

Трест «Чиатурмарганец» поручил Константину Владимировичу разработать проект клуба для своих сотрудников. Позднее он был переделан в проект театрального здания.

- Папа расширил сценическую коробку. Была обеспечена великолепная акустика, к тому же здание было вписано в скалу – тогда этого никто не делал, - вспоминает Елена.

- В сравнительно небольшом зале было предусмотрено большое количество мест. Была организована система отопления... У папы тогда состоялась встреча с Лаврентием Берия. Он сказал Берия о своем дворянском происхождении. «А мы знаем!», - отвечала Лаврентий. Они знали все...

КЕТЕВАН И ЛЮБОВЬ

- Первой женой отца была красавица Кетеван Гедеванишвили. Их называли Кето и Котэ – тогда на экраны вышел знаменитый фильм. Кето была знакома с Натом Вачнадзе. Была женщиной светской, экстравагантной, одевалась со вкусом. После развода она приходила к нам в гости на папины юбилеи... Видно было, что Кетеван тянуло в наш дом. Второй любовью Константина Грицай была наша мама, Любовь Порфирьевна Шульжевская, – казачка из Краснодарского края. В период раскулачивания дедушка бежал в Грузию, построил здесь дом. В годы войны Люба работала на Арсенале, на производстве по изготовлению снарядов. Однажды Константин Грицай увидел в окне трамвая, как хорошенькая нарядная барышня смело отбивается от приставаний хулигана, - вспоминает Таня. - «Ну и девушка! – подумал отец. – Надо ее найти!» А спустя несколько лет встретил будущую избранницу у друзей. Она пела, играла на гитаре... Мама вообще страстно любила музыку - оперу, романсы. Так судьба навсегда свела их вместе, и они прожили счастливую жизнь, хотя были очень разными людьми...

- Отец производил сильное впечатление на окружающих, в него влюблялись, - рассказывает Лена. – Краси-

Работы Константина Грицай

вый, мудрый, добрый человек с невероятным обаянием. Всегда в форме, подтянутый, носил сорочки исключительно с длинными рукавами – даже летом. Гордился нами, учил добру, воспитывал в нас вкус, чувство прекрасного... В том числе и своим примером – был галантным, аристократичным. Помню, что он запрещал нам читать женские романы типа «Консуэлло», зато приносил книги о путешествиях, на историческую тему, стремясь расширить наш кругозор... Да, он был человеком особенным! Кто-то из специалистов отметил, что Грицай словно оказался в тисках времени – в межвременье, в каком-то замкнутом пространстве. Может быть, так оно и есть... Не зря Натела Никонова сравнила его с Мастером Михаила Булгакова, «верящим, как и он, что рукописи, то бишь картины, не горят, а лишь покрываются пылью и паутиной прошедших лет... И уже в другом веке обретают новую жизнь и реальность».

Инна БЕЗИРГАНОВА

Георгий Эристави

МОЛЬЕР НА ГРУЗИНСКОЙ СЦЕНЕ

Мольер принадлежит к числу авторов, творчество которых сыграло особую роль в истории грузинского театра XIX века. Достаточно указать на тот факт, что Мольер был первым европейским драматургом, представленным на сцене профессионального грузинского театра. Как известно, театр, организованный Георгием Эристави, начал свою деятельность в 1850 году, а уже через два года в его репертуар вошла комедия Мольера «Лекарь поневоле». Перевод был сделан Иванэ Эристави, братом основателя грузинского театра. Комедия имела большой успех, она вошла в репертуар последующего времени, беспрестанно повторялась в любительских спектаклях, а затем на сцене восстановленного постоянного театра. Сам список состоявшихся представлений показывает исключительный успех пьесы у грузинских зрителей. Помимо столичной сцены, она ставилась в других городах и даже деревнях. Интерес к Мольеру исключительно велик именно в первые десятилетия работы грузинского театра XIX века. В поисках подходяще-

го репертуара литературы обращались к его комедиям, веселый юмор которых прекрасно воспринимался зрителями. Представления мольеровских пьес получили отклик в прессе, а затронутые в связи с ними вопросы дают возможность лучше разобраться в проблемах, стоявших перед театральными деятелями того времени. Наиболее активно занимаются Мольером в 60-70-х годах; при этом обращает на себя внимание, что переводы делают такие видные литераторы, как Акакий Церетели, Георгий Туманишвили, Димитрий Кипиани, Иванэ Мачабели... За время второй половины XIX и начала XX века на грузинский язык были переведены четырнадцать пьес Мольера. Некоторые из них имеются даже в двух разных переводах.

Илья Чавчавадзе, стоявший во главе литературной жизни Грузии того времени и всячески содействовавший развитию грузинского театра, внимательно относился к вопросу его репертуара. Исходя из высоких задач, которые ставил Чавчавадзе перед театром, он резко выступал против засорения сцены легким переводным репертуаром, модными в то время опереттами. Но классический зарубежный репертуар, как он считал, может помочь театру в достижении его благородных целей; и из таких авторов, которых следует культивировать на сцене, Чавчавадзе, в первую очередь, называет Шекспира и Мольера. Поэтому он с большой похвалой отзывается о переводческой деятельности Димитрия Кипиани, умеющего подобрать для сцены подходящий классический материал. В журнале «Ивериа», редактором которого был И. Чавчавадзе, в 1879 году были одно за другим опубликованы три произведения Мольера.

В 70-х годах число переводов из произведений Мольера все возрастает. В начале своей переводческой деятельности за Мольера взялся Иванэ Мачабели, который перевел «Много больного» и редактировал перевод «Скупого», сделанный грузинскими студентами в Петербурге. На грузинской сцене особым успехом пользовалась комедия «Плутни Скапена», переведенная на грузинский язык Акакием Церетели. Хотя некоторые скептически настроенные люди утверждали, что эта комедия не понравится публике, но успех первого же представления превзошел все ожидания. Пьеса твердо вошла в репертуар театра, ее ставили и профессиональные артисты, и любители. Интересно, что в спектакле, поставленном в бенефис Котэ Месхи в 1880 году, в роли Жеронта выступил сам Акакий Церетели. В заметке по поводу представления комедии в селении Цева в Верхней Имерети газета «Дрозба» справедливо отмечала необычайную популярность в Грузии этого произведения Мольера, которое превратилось как бы в подлинно народную комедию.

Успеху комедий Мольера способствовали талантливые артисты грузинского театра, обладавшие ярким комедийным дарованием, – В. Абашидзе, К. Кипиани, К. Месхи, Н. Габуниа, М. Сапарова и др.

В 70-х годах имя Мольера было уже хорошо известно грузинскому читателю. В своих корреспонденциях из Франции Георгий Церетели ознакомил читателей с тем, как проходило чествование великого комедиографа в Париже. Пьесы Мольера были для публики не только источником веселья и смеха. Вечные образы, созданные драматургом, насмешка над человеческими пороками волновали зрителей. Георгий Церетели, анализируя образы комедий Мольера, проводит параллель с явлениями современной грузинской жизни. «Чем глубже затрагивает писатель жизнь, тем яснее в созданной им картине видит зритель самого себя. Этим объясняется, что глубокая прозорливость Мольера помогает нам в образах французской жизни увидеть некоторые собственные недостатки».

Очень интересовался и много писал о Мольере известный грузинский публицист и общественный деятель Александр Сараджишвили. Человек разносторонне образованный, учившийся сначала в России, а потом в Женеве, Сараджишвили прекрасно знал иностранные язы-

Жан-Батист Мольер

ки и занимался переводами. В 70-х годах, незадолго до этого вернувшись из-за границы, он активно сотрудничал в газете «Дрозба» уделяя вопросам театра, его репертуара и, в частности, произведениям Мольера в своих статьях много внимания. В его архиве, который находится в Национальном центре рукописей Грузии, имеются выписки о Мольере из книг французских исследователей. На основании этих материалов составлен черновой набросок, в котором Сараджишвили излагает биографию Мольера, описывает его молодые годы и начало его творческого пути. В заметках, сделанных в конце 70-х годов, А.Сараджишвили писал об исключительном интересе к Мольеру в Грузии. Он видит причину такой популярности в особенностях его веселого юмора, который близок и понятен грузинскому зрителю, соответствует его национальному характеру. Сараджишвили называет Мольера «дедушкой грузинской комедии» и видит следы его влияния в произведениях некоторых грузинских авторов XIX века. «Ни один иностранный писатель не известен в грузинском обществе, как Мольер, его комедии нам нравятся больше других, его смех легко до нас доходит, а все, что он изображает, вовсе не кажется нам чужим, – как будто Мольера не отделяют от нас два столетия, как будто он наш близкий родственник».

Комедии Мольера прочно вошли в репертуар грузинского театра, они постоянно ставились и продолжают ставиться на сцене. Но никогда его пьесы не были так тесно связаны с грузинской сценой, как в период 50-70-х годов, никого из европейских драматургов так много не переводили и не ставили на сцене в эти годы.

Наталья ОРЛОВСКАЯ

На празнике Мцхетоба - Светицховлоба

фото Александра Святикова

🕒 23:00

🕒 7:00

Мир без преград

ВТБ сегодня – это более 30 компаний в 20 странах мира. Когда мы действуем вместе, расстояния и время – больше не преграда. Объединяя усилия, мы открываем новые возможности.

8 (800) 200-77-99, www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ, ВТБ 24 (ЗАО), ОАО «Банк ВТБ Северо-Запад», ОАО ВТБ Банк, ЗАО Банк ВТБ (Беларусь), ЗАО «Банк ВТБ (Армения)», JSC "VTB Bank (Georgia)", ДОО АО Банк ВТБ (Казахстан), ОАО Банк ВТБ (Азербайджан), Banco VTB Africa SA, VTB Bank (Austria) AG, VTB Bank (Deutschland) AG, VTB Bank (France) SA., ЗАО «ВТБ Капитал», VTB Capital plc., VTB Europe Strategic Investments Ltd., VTB Capital Markets Limited, ООО «Холдинг ВТБ Капитал Ай Би», ЗАО «Холдинг ВТБ Капитал», ООО СК «ВТБ Страхование», ООО ВТБ Факторинг, НПФ ВТБ Пенсионный фонд, ЗАО ВТБ Долговой центр, ЗАО «ВТБ-Девелопмент», ЗАО «ОДК», VTB Capital (Namibia) (Pty) Ltd., ЗАО «ВТБ Управление активами», ОАО «ВТБ-Лизинг», VTB Leasing (Europe) Ltd., VTB-Leasing Capital Ltd., ООО «ВТБ-Лизинг Финанс»